



мария  
каменкович

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТИХИ

**Мария Каменкович**

**ПЕТЕРБУРГСКИЕ  
СТИХИ**

© М.Каменкович, текст

© О.Бешенковская, составление

Copyright © 2005 M.Kamenkovich  
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten  
**ISBN 3-936800-54-5**

Gesamtherstellung  
Edita Gelsen e.V.  
editagelsen@gmx.de

Printed in Germany

Книга стихов о Петербурге Марии Каменкович, прежде всего – свидетельство. Неподдельное, завораживающее с первых строк. Свидетельство чудесного возникновения – из ничьих знаков, с каждой новой прочитанной страницей, – неодолимого возрастания и утверждения дара слова: сильного, индивидуального, пластического дара, его отражения, его преломления – в самом уникальном и притягательном, в самом гипнотическом, творческом поле: Ленинграда – Санкт-Петербурга. Который и есть – лучшее место. Большой удачи, большой награды – трудно пожелать. Так легли карты: автор – достоин. Подтверждение тому – держим в руках.

У каждой книжки – настоящей, перерастающей «сборник стихотворений», при какой угодно полифоничности – своя нота, свой камертон.

Лейтмотив этого поэтического томика – Дар.

Дар – авторский голос. Дар – Город.

Так пишет Маша сама о себе:

«Мария Каменкович родилась в 1962 г. в Петербурге. Закончила 470 математическую школу. Училась в литературном объединении В.А.Сосноры, которое располагалось в Доме культуры им. Цюрупы, что на Обводном канале. Второе место учёбы – семинар по семиодинамике Р.Г.Баранцева. Закончила Университет в звании старшего лейтенанта запаса по математической лингвистике. Работала в оккупированном инженерами Михайловском Замке. Уволилась оттуда в годовщину смерти Павла I. Потом учила детей английскому языку в клубе табачной фабрики им. Урицкого, что на Васильевском острове. Кроме переводов книг Дж.Р.Р.Толкина и комментариев к ним опубликовала две книги стихов: «Река Смородина» и «Михайловский Замок». «Река Смородина» вошла в шорт-лист премии «Северная Пальмира» в 1998 году».

Информативно?

А вот что: найдётся ли здесь (см. ещё раз) хотя бы одно предложение, не связанное с Городом?

Мария Каменкович таким кратким, ироничным *curriculum vitae* предварила книжку «Дом тишины». Изданную, между прочим, в 2003 году. И к тому времени в Германии, в совсем не безликом, богатом историей древнем Регенсбурге была прожита – никак не чемоданно: семейно, с привычной мягкой мебелью и уведомлениями о родительских собраниях – уже довольно большая часть взрослой жизни. Упоминается ли об этом в кратком жизнеочерке? Об этой *vita nova* – в другом граде, с другой родословной, в не самой плохой местности?

О жизни вне. За Городом.

Петербург был – её рифмой, колонны его – её ритмом, метафоры: дорические, коринфские, ионические...

Она подготовила эту книгу. Прочитать не успела.

15 декабря 2004 года не стало Марии Каменкович.

Ничто – ни некрологи, ни слова – не может передать редкость этого человека. Просто: проживи хоть сто лет – вперёд или назад – таких не часто встречают. Невозможно было не заметить: здесь редкая, ручной выделки тонкость и душевная чистота: настоящая, неподдельная. При всей многоучёности и остроте – блестящей оккамовой бритвы – ума. Человек, глубоко и как-то не современному верующий, биологически предназначенный христианству, она была напрочь лишена менторской нетерпимости, – что, в сочетании с громкими пафосными нотами, создаёт порой неодолимое препятствие в разговоре «про Это». С ней-то как раз можно было – и поговорить, и, с другой позиции, поспорить – потихоньку дорастая до уровня собеседника. И ещё: надо всегда было быть осторожным: у Маши очень искренняя, очень предсказуемая реакция сопереживания – с тяжёлыми, для такой хрупкости, последствиями. (О которых ты – знал, знал! Но как не поделиться с другом по переписке...). Редкий, исчезающий вид. Можно писать о ней как о современном поэте, которого хочется – редкость – доставать с полки и перечитывать. Как о лингвисте, филологе, приглашаемом на самые почётные конференции, переводчице и комментаторе (надеюсь, что она сейчас как никогда близко к истокам слов. И что теперь может предьявить ту статью, посвящённую Вячеславу Иванову, – её адресату). Как о женщине, в 34 года узнавшей о своём неизлечимом заболевании и с прекрасным

мужеством, достойно, полнокровно жившей все эти семь лет. Даже более того: именно в это время создаются лучшие стихи и рождается чудесный младший сын. И более того: чувство юмора! – всегда, настоящее, именно, английской отделки. Как о собеседнике, писем которого ждал у компьютера весь день – и весь следующий день – пока не закончатся её больничные хождения по мукам: и какие были письма, как интересно было!

Маша, хочется, как часто бывало, послать тебе этот текст: посмотри-ка: всё ли там на своих местах – на твой слух.

Могу ли я описать тебе это чувство?

На твой слух полагаться можно и сейчас.

Слух – присутствует.

Как тот самый хлопок без ладони. Как нота замолчавшего камертона – в ушах настройщика.

Побеседовать ещё вот только долго не удастся.

Словами – никогда.

Вот видишь, Маша, всегда так: начали письмо – о жизни и смерти, закончили – о словесности и бессловесности.

Позволь – твоим голосом – из сада (Это была опечатка! Это была опечатка, которая – не мой сигнал.) Из твоего «Сада в Александро-Невской лавре»:

«Ничего, когда-нибудь мы умрём и обо всём узнаем».

Знать бы – когда узнаем. Но ты на это и не претендовала: в стихах об этом – редко. Осторожно, косвенно. – О не называемом. Не нуждающемся в словах, в словесности, тем более – изящной.

Что есть – слово «откровение»? «Открыв вены»? «Открыть окно – что жилы отворить»?

Обо всём – нельзя. «Обо всём узнаем». Нельзя – скачком, минуя обжитую топографию семантики – бытовой, городской, профессиональной – в запредельное, запретное. В лучшем случае – шик, шик, давание петуха – что угодно: ничего не выйдет.

Получится – ничего. Величаво, натужно и стыдно. В лучшем случае.

Маша чувствовала – где можно. Чувствовала – как.

Можно – вплавь, вокруг, – искривлённую параллелью.

Завораживающим, слегка плывущим голосом. Рябщими строками.

Можно – закрыв глаза, видевшие осколки Запретного Города в зазеркалье разбуженной воды каналов. До того как: «и объяли меня воды» – уже подготовленной, сознающей свои возможности, возможности вырваться – за.

Сознающей, но – не смеющей, сдерживающей себя зыбкими, приграничными, сходящимися в перспективе, параллелями набережных Реки. Заколдованными названиями вызываемых, как такси, улиц. Сдерживающей себя – как медленную, завораживающую шаровую молнию – над уровнем моря: на уровне интуиции – классическими пропорциями и золотым сечением петербургской поэзии.

Мы помним тебя. Мы читаем.

Мы никогда не забудем.

Пора переворачивать страницу. Тебе – начинать.

*Д. Фаншель*

## ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТИХИ

\* \* \*

Вся сгорбленная, старая, сырая,  
Лев на клюке как ворон окрылен, –  
Венеция, подол не подбирая,  
Идет-бредет из мира в океан.

И брат ее. Петрополь. не в убытке:  
Сквозь шпили в небо впрыскиваем он,  
Пока ему фабричные убудки  
Заламывают руки с двух сторон.

18 ноября 2001

\* \* \*

Видно, многие умерли за меня,  
что за всех живу я в городе этом,  
что живет за все города –  
и, библейским небом и светом  
разрежая свою осязаемую тьму,  
возвращается обессилев к себе самому  
навсегда свободным, воспетым...

...Он идёт с Двенадцатью в каменном полукруге,  
называя имя своё, подставляя руки,  
поднимая лицо, как те поднимают лица...  
– Неужели, о Граде, мне умереть в разлуке –  
не дождавшись, пока земля загорится  
и любимые зданья – болты в строеньи времён –  
не сомкнут со мною глаза, опалив ресницы,  
в час, когда над Спасом пасхальный призрачный звон  
грохот взрывов покроет – и Рыба взлетит, как птица,  
предстоять за тебя у белого Трона Суда,  
как и ты предстоял на земле -- за все города?..

1985

## ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ И МАЛЕНЬКАЯ ПОЭМА ИЗ КНИГИ «РИТОРИКА»

\* \* \*

Под трезвон часов ледовых,  
Чтущих северный обряд,  
Я умру в твоих ладонях,  
Гладкий, замогильный град.

Как же так? – и эти камни?  
Хляби рек? откосы стен?  
Мне, владевшей почерками  
Носталик и шикасте<sup>1</sup>!

Мне, о, что мне эти стогны,  
Что тут быть, и что тут сметь –  
Мне, бурлящего Востока  
Евшей радужную снедь,

Втёршей в лёгкие гордыню  
Горизонта, сладкий гвалт, –  
Острый опиум гортанных,  
Дым окрашенных долгот?

...Над Персидой, над Россией,  
В белом зареве – молчи.  
В гулком воздухе скрестились  
Эрмитажные мечи.

---

<sup>1</sup> Термины из области персидской каллиграфии

Камни бури в круглом небе.  
По свинцу молочной хляби  
Бьётся, вспыхивает блеск...  
Лёд прошел. Умолкнул треск.

\* \* \*

...но я мотивом небрежу.

И гренадёрские синтагмы  
печатают шаги-затакты,  
грозя коварному врагу.

Гравюрная, сухая точность,  
парад на невских берегах,  
и гул глухой, и скрип дотошный  
от рифмы в плоских сапогах.

А слово – родственник любимый  
И оборотень без лица:  
Багровый глаз его глубинный  
в стекле вечернего дворца –

В день оный, завалясь за зданья,  
О, как ты нежить подождёшь!

\*

...нет, безуильное сознание,  
ты не мотивом небрежёшь...

\* \* \*

... но как отмерить в языке благом  
и как сказать в отточенную синь  
смертельно сжатый, тоненький глагол,  
сосредоточен свыше сил людских –

до или после звука напролом  
до или после слов и синевы  
за солнцем. перепончатым крылом  
накрывшим литографию невы

\* \* \*

...вечносухие фонтаны. Сады классицизма.  
Небо – петровский флот, паруса из гипса.  
Солнце – разрыв тумана.

Лепные кони,

Звери, торсы, гады – и надпись вязью:  
НЕ ПОСТЫДИМСЯ ВОВЕК.

Над переулком –

алая орифламма: УМРЁМ ДОСРОЧНО.

...Кто разгадает чаянья и ученья  
многоярусного Урарту на месте святе? О страх проснуться  
двадцать веков назад! Пусто. Легко. Громоздко.  
Завтрашний свет – лишь дыра над болотом...  
Слышишь невнятный шум?

Это – толпы, толпы,

толпы стоят у Краниева места.

\* \* \*

Я – пленник града-ломаки,  
который держу за фалды,  
что крутит куски бумаги  
по высохшему асфальту,

я – данник пустого Мерва,  
домов его безымянных,  
где мир – откровенно мёртвый  
и щёк своих не румянит,

где содрана ткань покрова  
с девического жеста,  
где страсть населяет слово,  
а мысль не находит места, –

где плоть не питает гнева,  
а дух не довлеет шагу,  
где только вода и небо  
помимо берегов решают, –

се град! и вино, и кравчий,  
хмель верности и отврата,  
привязывающий – крепче,  
чем всякая наша правда...

1983

\* \* \*

Душа бездействия не стерпит.  
Круговращаясь как ошпарен,  
глаз натывается на шпильи,  
душа, отпрянув, жмётся к стенке.

Иного счастья не вкусили.  
Лишь к изучению и возле  
пригоден этот ветхий воздух.  
Душа не вытерпит усилья

над благом этих вод – под прессом,  
где всё – обломки декораций,  
откуда музыка и песня  
пахучей ниточкой курятся,

где праздник никому не лаком,  
а пыл любовный безохотен,  
и где могучим, вольным валом  
жизнь приступает – и отходит.

1983

## ОДА XVIII

Знайся, мой хорей, с уздою!  
ЗАПАД ПАЛ. ВОССТАЛ ВОСТОК...  
Детской речи к мирозданию  
Чистый дарован восторг.

Плачь о прошлом, но не сетуй,  
Тени бледной не грози!  
Мрамор царскосельских статуй–  
Жёлт и сер, когда вблизи.

Но за полосою смерти,  
За бесчувствием зимы –  
Ныне чувствовать и смети  
Заново берёмся мы.

Та же даль – но грязь в овраге.  
Взор души ленив и дик.  
Рыжий предрассветный факел  
Жжет, плюётся и чадит.

По-за нами боль тупая  
Тянется, прильнувши к нам...  
Так, в любовь свою вступая  
К детям, странам, временам, –

Оглянись о сем Эребе,  
Где влачиться нанята:  
В тёплом темножёлгом небе –  
Сажу пыльная черта.

Травка к травке – к терпкой страсти  
Прирастает безучастье,  
На листке – улиткин след...  
Что ни пень – на пне опёнок...

\*

...И десятки перепонок  
Затянули вышний свет.

## II

Взгляд летит куда угодно.  
О столетье полноводно,  
Ты ли катишься Невой,

Твой ли то могучий запах,  
Склабы колоннад разлапых,  
Бортик тучи огневой,

И, за катерком летящим,  
Груда взбитого стекла?  
...Бьётся, хлещет полотнище  
Неба. Город – как игла.

Век, который не был нужен,  
Безмятежным обнаружен  
В центре тяжести души.

Он с весёлым хрипом дышит,  
Складки шейные колышет,  
Оперением шуршит.

Брюхом возлежит на яствах –  
Помесь розы и клопа!  
Получервь, полуеясыть:  
Ночью рыщет, днем – слепа...

Не Борей – павлин в берлоге:  
Пальцы в слизи, хвост в очках,  
И – на бис – в изящном слоге  
Ямбом пляшет "казачка"!

Ищет вшей, блудит под старость,  
И плывёт в морской закат...

\*

...Противостоянье статуй  
На янтарных высотах!

Страсть снедает их всечасна,  
Битва близится ужасна,  
Мир кружится, хмель поёт!

Там, на площади Дворцовой,  
там, на высоте свинцовой –  
жизнь туда не достаёт,

ибо век кишит на днище  
плаца. Наверху – иной...  
– Чёрных дыр на полотнище  
Противостоянье! = Ноль.

## III

Цвет янтарный – цвет зловещий:  
Он обуревает вещь, и –  
Вспышка, порохом пахни!

А свинец далёк шумихи:  
Розы? – он презрен у них, и:  
Со свинцом поди вспорхни!

Роза лжёт, а клоп - о правде.  
Гром сраженья раздался!  
Так внизу: на плаце, в прахе.  
Так – у статуй в воздушях.

Тучки-кубики-просфорки,  
Демонстранты пред дворцом...  
Пли! – и , кратко вспыхнув, сферы  
Наливаются свинцом!

Пышут – гаснут... – Кто напомним,  
Что за кубарями туч  
Мириады перепонок  
Преломляют БЕЛЫЙ ЛУЧ?

Разве что иной, везучий,  
Обратится и – ага! –  
Солнце, в рваном теле тучи  
Улучившее прогал!

Над её бортом слепящим  
Зраком счастливым, неспящим  
Белый свет на нас глядит...

\*

Словно времена – не значат.

\*

Словно вспомнили – и плачут...

\*

И никто не победит.

*1983, Дворцовая площадь*



Пророчеству древнему не прекословь:  
Настанут года – оскудеет любовь.  
И, значит, написано мне на роду  
По пояс брести в напороченном льду.

О Господи, благоволи пронести  
Ту чашу в иные века! Отпусти!  
Но, впрочем, Учителя больше ли я?  
Пусть воля творится Твоя – не моя.

*1994-98*

САД В АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ  
ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЛАВРЕ  
ПО ДОРОГЕ В ДУХОВНУЮ АКАДЕМИЮ

*Л.Ф.Шутенковой*

Дует ветер с градом  
на прожитые мною жизни.  
Там устанавливается безвременье,  
и они пересыхают, словно заброшенные  
каналы,  
и уже не бегут по ним замусоренные воды.  
Золотые колёса жизни,  
золотые крылатые колесницы  
катятся из одного пространства в другое,  
из одного сада в другой...

\*

Сад мой саднящий, залитый талой водою,  
с церковью посередине,  
сад, свидетель стольких подлых ошибок,  
стольких встреч устроитель, стольких  
словес подсказчик!  
Сирые неопиты, мы тебя истоптали.  
Сколько раз мы бежали тобою в золото храма,  
Сумерки страшного мира спеша оставить  
снаружи!

\*

Помню одну старушку –  
с черными подглазьями, плакавшую в голос.  
Как она тряслась от тоски: просить не умела.

стыдно ей было, а никуда не деться.  
Умерла, наверное, очень быстро.  
Я дала ей рубль, но адреса не записала.

А один раз женщина шла из церкви,  
а вместо сапог или бот у неё обмотки.  
Тут-то я телефон записала, но так и не позвонила.

А еще как-то раз на Страстную пристал веселый пьянчужка,  
на костылях и весь аккуратно перебинтован,  
и цеплялся ко всем, идущим из церкви, —  
дескать, дай три рубля, а не то какие ж вы христиане?  
Я боялась, что это переодетый ангел,  
и, вздохнув, отдала ему свою последнюю трёшку,  
и больше его никто никогда не видел.

\*

Иеромонах Алексей надо мной немного поиздевался,  
намекая на возможное употребление моей трёшки.

\*

Но теперь уже и Алексея в лаврском саду не встретишь —  
он расстался с карьерой и перешел в Зарубежную Церковь,  
и бедствует на каком-то мелком приходе.

Кто теперь гуляет по Саду с его затопленною сиренью,  
пробирается к пасхальной заутрене по непроходной тропке?  
От моих колесниц следов на льду не осталось.  
Не вернется туда и о. Алексей,  
а пространство, ИЗМЕНЩИЦО, делает вид, что нас  
позабыло  
(будто бы я не знаю, что оно ничего не забывает!)

и услужливо расступается перед ними,  
и нащёптывает им, что они – первопроходцы,  
как нащёптывало и нам, доверчивым, предавая ушедших –  
мучеников, исповедников, нищих, святых, поэтов,  
прочертивших огненные следы над этой дорогой.

\*

А красавица Марья Семёновна лет девяноста?  
То ли фрейлина императрицы, то ли звезда императорских  
театров,  
то ли принцесса из уничтоженного царского дома.  
Не седая – блондинка! Не старая жердь – а лебедь!  
Так и стоит предо мною умный орлиный профиль,  
ласковая улыбка, танцующая походка.  
Марья Семёновна о себе никогда не говорила,  
но справлялась о родственниках (и все запоминала),  
и ко всем напрашивалась на ночь  
(только я её никогда не приглашала).  
Марья Семёновна принимала деньги,  
огурцы, бутерброды, поиошенную одежду,  
но моего узла не взяла – под ночь воскресенья  
станет она с каким-то тряпьем возиться!  
И никому, никогда, ни одним намёком  
не приоткрыла Марья Семёновна своей тайны.  
Вот идет она, статная, полупрозрачный лебедь,  
радуясь живой земле, по краю дороги,  
вот идет она, высокая, как берёза,  
в ореоле причастия, в нимбе безумия, в свете солнца.  
Ничего, когда-нибудь мы умрём и обо всем узнаем.  
Не удивлюсь, если это была сама святая княгиня Елизавета.

\*

Всё-то мне чудятся в талом Саду замаскированные ангелы и святые.

А иногда прорыскивали и бесы – без них не обходилось, только увольте, о них я говорить не буду, и того довольно, что чудом жива осталась.

Но и людей по той дороге наискось к церкви прошло немало, и за каждым воспоминаньем стоит нечистая совесть.

\*

Так и вышло – не мир, но меч. Сначала меж миром и целокупным Храмом. Теперь же – и в сердце Храма.

Меч – дорога, наискось разрубившая сердце сада, меч – печаль и гнев, расколовшие наше сердце, водораздел, навсегда отделивший нас друг от друга.

Бывшие неопиты, братья, из колыбели Сада разлетевшиеся по лесам, полям и пустыням!

Значит, наша вера не посрамилась, и остальное, как ни страшно, сбудется тоже, – крестоношенье, голод, земли трясенье, выкорчёвыванье садов, души поруганье, оскуденье любви, святых избиенье, и остаётся в силе завет ничего этого не пугаться.

1998

## ПЯТЬ ХРАМОВ

\* \*

У Никольского  
Тайный круг, обозначенный деревьями,  
И ограды на толстых стеблях.  
Тут – солеварня:  
Елей в лампаде без соли Истории приторно сладок  
И керосинов.  
За оградой –  
Крайний мыс человечества!  
    Дальше – волны да звёзды,  
    Да обломки эгейских камней.

\* \*

Владимирский,  
Светлый ангел – мостов хранитель,  
    Сам он идёт сквозь деревья навстречу.  
Алые реют над ним хоругви.

Среди бесстыдных протяжений мира  
И новых, страшных, мимозрящих толп –  
... И каждый сердце держит на ладони  
И плачет обливаясь над ним.

\* \*

... и ты Смоленка,  
глубоко глубоко под опавшими листьями кладбищ  
затаившись ты держишь фонарик в руке,  
ходишь только по теменям склизким осенним...  
... или это лучи не набравшего сил ещё – ЗАВТРА?  
Или тайное солнышко прячется, приоткрываясь, во мгле?

\* \*

Воскресенский собор

Опадает ключьями кожи с тулова. Стража  
Всю субботу сорит окурками под забором,  
Запрещающая снимать с креста ислёванное тело.  
Затянулась нынче суббота.

Так тянется строчка  
между рифмой и рифмой,  
превращаясь в верлибры,  
тянется жизнь, заблудившаяся в трех соснах,  
провалившаяся меж двух стульев,  
меж ударами сердца тянется тишина,  
не имеющая сама в себе продолженья...

\* \*

*«... Этим вечером у Коломяг...»  
А. Иконников-Галицкий*

колыбель и могила моя, колыбель и мятель,  
колосок моей смерти (молочной спелости...), и –  
трудных  
и не сдержанных чистых обетов. Там – паданцев полон,  
полон паданцев пруд...

\*

На высоком обрыве,  
между деревьями и котловиной Заката –  
полной бесщётных безлесных тыщеоконных...

\*

Сколь ещё нам принять – воскресений  
Крестопоклонных?  
Надо плотников звать – вишь, ступенька прогнила...

колыбель	и могила моя
ко	
лы	
бель	
и	мо
	ги
	ла

\*

Вот святые сидят на лавочке – молча, клюку отставив,  
С белой булкой пьют молоко между постами,  
Белые розы цветут на аналое...

\*

С нами просто молчали, а мы – обманули...

\*

колыбель и могила моя, слепое прозреньё,  
небосвод накрённых деревьев, разъятых лазурью,  
едкий месяц над сном обрыва, заря тумана,  
города на дне у высохшего океана,  
острый взор звезды, пустынная весть дороги  
и холодный на ошупь снег на пустом пороге –  
колыбель и могила моя, колыбель и просёлок,  
сердце в свете и голос-бродяга, теперь осёдлый,  
колыбель и могила...

\* \* \*

Еженощно  
Исаакиевский собор  
Как гигантская тень приподымается в темном тумане.  
Ежедневно  
насупротив собора  
желтый босховский экскаватор  
с мёртвым хрустом расправляет свои богомолы крылья.  
Там, где ночь ещё –  
это будущее моё,  
Там, откуда солнце уйдёт –  
это моё былое,  
это моя набережная Университета,  
или, вернее, на ней уже начались  
те обыденные работы,  
что начинаются в тех местах,  
откуда уходит время:  
работы по возвращенью в прах  
и перестройке наново  
набережных, по которым мы ходили...

\*

На бесконечном плато океана  
по законам прямой перспективы  
к пряхе за горизонтом тянется пряжа  
параллельной позёмки...

Темно и голо.

Ночь – негативы  
света –  
и позитивы иного мира:

подставляется зеркальце правды  
всем, кто действовал слепо и пьяно.  
Вырезав опухоль дня,  
Город блаженно лежит.  
Силы откидывают капюшоны  
(людям лучше не видеть подсказок!).  
На свободе гуляет невидимое  
ЗЕРКАЛО – Страшный Суд...

\*

Ни следа на снежной пороше.  
Две ограды – тройным аккордом,  
для которого у ночи кисть узковата.  
В тихом Никольском соборе  
спит Неспящее Око...  
(благословенны ночи  
Великого Поста, когда ни на минуту  
не покидает города Господь!<sup>2</sup>)  
-- ...и сердце, вывернув к нему от перекрёстка,  
внезапно освещается до дна,  
и – чужеземный флот выбрасывает на утёсы,  
и – белой покрывается порошей,  
и вихри в нем слагаются в позёмку.

\*

Я вижу всё – и от меня не скрыта  
шестиконечность неподвижных фонарей.  
Но кровью Тела я могу ли стать –  
ведь я во днях живу и я со всеми  
откладываюсь в мускулы и жир  
и в кости мира – в праздное движенье:

---

<sup>2</sup> Об эту пору в храмах ночью хранятся освящённые накануне Святые Дары.

что – неподвижнее его? –  
(Я это знаю  
когда в невидимое зеркало гляжусь  
бесстрастное читая отраженья)

*декабрь 1984  
ночные прогулки с друзьями*

## КОРИДОР

Поэма о местах и причинах

*"Он, словно зеркало,  
Свободен в проявленьи"*

*В.Кривулин*

Когда сойдет на стогны града  
Зимы мятущаяся ночь,  
Все смыслы, коих дню не надо,  
Но коих дню – не перевозмочь,

В туманном, чёрном, горьком свете,  
Не окликая никогда,  
Встают – покинутые дети  
И проданные господа,

И слышит ухо из-под спуда  
Забывтое за много лет:  
Не чмокание губ Иуды,  
Но медленный ему ответ, –

Тогда, в раскаянии позднем,  
К ним обращается душа,  
И молкнет в сумраке морозном,  
И, на копые карандаша,

Молчит, не скачет Всадник Медный,  
Мертвы кумиры, спят дома,  
Не слышен маршей звук победный –  
И для смятенного ума,

Что, зарекаясь лицемерить,  
В ночную взглядываясь муть,  
Не знает, снегу ли поверить,  
Туману ли, – неясен путь.

\* \*

...Так страшно люди и невинно  
На всё кладут свою печать.  
Они пространства, словно вина,  
В сосуды могут заключать.

И те растут в них, как калеки  
В китайских вазах: только взор...

\*

...А ты, Двенадцати Коллегий  
Дымнодалёкий Коридор!

Залог моих Осуществлений  
И Обещание Свобод –  
Ты послан был к порогу тени,  
На кромку вод, на берег блат,

как гать надежная над прорвой, –  
И видел, кто не воспарил,  
как низко восемьдесят первый  
курился, сизый, у перил,

но пар не сталкивает в воду, –  
и слали свет издалика  
Осуществленье и Свобода –  
Два на болоте маяка...

\* \*

Не странно ль вкрадываться татью,  
В стеклянной колбочке гореть,  
Висеть над собственной тетрадью  
И шаг под взглядом ускорять?

Не страшно – из далёкой дали,  
Что НЕ ДОЛЖНА БЫЛА НАСТАТЬ,  
Глядеть? Из области гаданий?  
Писать – из: "буду ли писать?"

Но, под ТОГДАШНИМ снегопадом, –  
Тень за спиной и на судьбе –  
Я, с одинаковыми рядом,  
Не чую взгляда на себе.

Равны мы были у порога  
И за руки во тьме брались.  
О нас допытывали Бога –  
И Коридора дождались.

"Друзья, что выполним, что встретим?  
Свод гулок, и любовь скудна".  
И обнялись мы в сизом свете  
Над чашей горького вина, –

Но, дрогнув, лица исказились,  
Прямые выгнулись клинки,  
И меж собою мы сразились,  
И пали от своей руки,

И каждый, рану зажимая,  
Сполз по стене – и смеркся взор.  
И тьма сгустилась неживая,  
И пуст остался Коридор.

В шкафах молчали минералы,  
Невнятный бюст в проеме стыл, –  
И вот, отняв ладонь от раны,  
едва ток крови перестал,

я позабыла цель Похода  
и заплутала в Нём; а Он,  
Объяв меня железным хладом,  
Замки навесил с двух сторон, –

Мастики запахи и тленья,  
И вертикальные дымки...  
Я изучила ответвления,  
Я простучала тупики.

С годами сквозняком недобрым  
Мне горстку жизни намело:

Я то шепталась с Коридором,  
То мстила демонам его.

И серый вечер мерк в окошках,  
И сизой болью ныл висок,  
Пока Спецхран его оплошкой  
Однажды книги не исторг

На мой билет, – какой – об этом  
речь позже: обок имени.

В ней поминалось о забытом –  
И с глаз упала пелена,

И я припомнила, отпрянув,  
Что я здесь не жилец – а гость,  
И поняла, что путь – не прямо,  
И нету выхода насквозь.

Другого я у звёзд просила!  
О что бы осознать скорей:  
В посмертном бытии России  
в одной из тусклых галерей

Я заперта; и в щель – инакий,  
неведомый сочится чад...  
И правда ли, что Исаакий  
Царем-Антихристом зачат?

И можно ль, чтобы плод прекрасный  
Из корня адского возник?..  
...НО СОЛНЦА ОКЛИК ЯРКО-КРАСНЫЙ  
СЕРЕДЬ СТРОФЫ МЕНЯ ЗАСТИГ.

\* \*

Я – глаз земли своей не вечной  
И тем виновна, что – нова.  
Здесь те, к кому мой ум доверчив,  
Сгорев, забыли про слова.

И дела нету здесь иного,  
Чем, считывая палимпсест,  
Уготавливать места для Слова  
И прозревать Причины Мест,

И горя нету здесь иного,  
Чем видеть всякий раз: венец –  
Не то, что семя; он огнями  
Иными светится; близнец –

Но не оно! – так в Коридоре  
Начало разнится с концом,  
Понеже он ЕСТЬ ОБРАЗ МИРА  
И на одно лицо с отцом,

Понеже он своим строеньем  
Строй Мира нам являет; так  
Вступаем мы с благоговеньем  
В него, как в символ или знак –

А сзади, супротив, стокрылый,  
Загадкой высится Собор –  
И дуло, полукругом скрытым,  
В него наводит Коридор.

\* \*

О горе, горе беззаветно.  
Все откровение времён –  
Что слово мы, и в слове ветра  
Мы – на гвоздях своих имён –

Насилу держимся. – Далёко  
Та я – и эта. – Берега.  
Я – взгляд на мне: он жжёт жестоко.  
Послушай вора и врага.

Я не пошла твоей судьбою,  
И я не срезала углы.  
Мы чудом встретились с тобою  
На неком острие иглы.

О, мужество во мне и вера  
Сжечь оскверненные листы!  
На середине Коридора  
Покаюсь – я. Восстанешь – ты...

Прости и мне поэму, Радость:  
Я мню – зеркал наставлю. Вздор!  
Так Коридор, в Собор вперяясь,  
В нём видит тот же Коридор:

Он тоже – здание простое,  
Хоть в нём и жил когда-то Бог;  
Плод многолиственных Историй,  
Причин запутанный клубок...

И что сказать в ответ кручине,  
И как оспорить Коридор?  
Что нет причин – Первопричине,  
Первоопоре – нет опор?

Но речь не возымеет смысла,  
Как ни вытверживай Спецхран,  
Что, коль не будет воли свыше,  
Пилату не построить храм...

\* \*

...Над миром – низкий ветер мора,  
Нас туго пеленает мгла,  
И мир – очами Коридора  
Во все глядится зеркала,

И убегает даль от дали,  
От дыма сизого седа,  
И, кажется, старо преданье,  
А верится как никогда,

И косолапят два паркета,  
Хромая к выходу, и две  
Стоят вдоль окон призмы света,  
Указывая путь к Неве,

На волю, где людскою зернью  
Потока с ветром не запясть...  
Но где-то там, за гранью зренья,  
Они смыкаются опять,

И, не кончаясь, длятся вечно,  
И символ к толкованью – прост:  
Сам – изгибаясь бесконечно –  
Змий – свой заглатывает хвост,

Подобно Змею Мидгардсормру,  
Что опоясывает мир,  
И сору из колец Сатурна,  
Что тот как кэпи заломил...

\* \*

Так! Мне был люб мой плен прекрасный:  
Бродить вдоль стен, и пить из книг...  
Но солнца окрик ярко-красный  
Середь строки меня застиг –

И вспомнилось, и запылило,  
И умер ум, и за между  
Ступило сердце...

(О поэма!

Тебе ли это расскажу?

Вернется мысль ко мне, оперясь.  
Твой путь – проверен и певуч.  
В твой коридор войдет, доверясь,  
Последний, безоружный луч, –

И ложью это будет снова –  
Прочней, чем было до сих пор.  
Стих – рукотворный дом для слова,  
Пространству чадный коридор.

И я вхожу в него беспечно,  
И он печать свою кладёт,  
Но, выгибаясь бесконечно,  
К концу и свету – не ведёт...

Кто счислит корни Коридора?  
Не в смысле он – так в ритме здесь.  
Услыши же, услыши скоро,  
Мой ум разъят. Поддай мне весть,

Скажи, что отодвинут ужас  
С полёта возвратиться вспять,  
Что кривда коридорных дружеств  
Любовью может воссиять,

Что грянет час, когда с местами  
Людей – рассудят.

Меж минут

Внезапных встреч восстанет пламя  
И дуновенья оживут.

И помышленья станут строги,  
И косо ляжет луч дневной.  
Пройду и встану на пороге,  
И Некто явится со мной.

В простом и чёрном одеянье  
И подпоясан бечевою,  
Он ближних соберет и дальних –  
И грянет полдень вечевой.

И от порога до порога  
Пройдём – и разорится бред.  
– Не все у ног Твоих, Владыка,  
Кто принял в сердце сизый свет!

Кто чашу выпил с похвальбою,  
Кто выйти из кругов не смог.  
Кто брёл, пленён моей судьбою,  
Но в ней остался одинок,

Обманут мной...

В каком кружале  
Убийцы их подстергли?  
Какую брань они держали,  
Пред чем в пути изнемогли?

В каких они очнулись трюмах  
Глядеть, как высится вода?  
Сердца остались ли угрюмы,  
Не рассмеялись навсегда?

Скажи... – И – грянет белым взглядом,  
В который – прямо – не посметь,  
И скажут: "Этим Коридором  
Завтра – путь Его – на смерть".

Что ж, Ave, Via Dolorosa,  
Твой час невеститься настал;  
Вплетайся, как вьюнок, как роза,  
В венки, обвивший пьедестал:

Дар переряженной России,  
Черта на ПРАВУЮ ладонь...

.....

Но вот – гремит землетрясение,  
Завеса разорвалась вдоль,

И дверь срывается с навеса...

\*

...А там – суббота, бриз, Нева,  
И блещет целью для обреза  
Вдали собора голова.

\* \*

Филфак. Собор. Нева. Брусчатка.  
Пиши ещё хоть согню строк –  
Всё не оставишь отпечатка,  
Не повлияешь на итог.

Лишь Купол за Рекой – Великий –  
Полудня выдержит удар...

А ты, Двенадцати Коллегий  
Многооконный Коридор!

В тебе и в полночь – призма солнца  
Вдоль окон по полу стоит...  
Приветствуем твое посольство,  
Немую речь и грозный вид:

Кто принял причащение Пира –  
Те квас его в себе несут...

\* \*

...Когда на ледяных рапирах  
Нас держат звёзды на весу,

Или – чистительная вьюга  
Владает городом одна,

И от полдневного испуга  
Душа, опомнившись, бледна, –

Когда над миром мир горюет,  
А тот над сундуком сидит –  
Бьет час ходатайства деревьев  
За домовину посреди.

Все в мире воздевает руки,  
Все подтверждает Страшный Суд,  
И над соборами – воронки  
Крутящиеся – встают;

Тогда открыты книги знаний,  
Позёмки острые пылят,  
И Коридор несёт, как знамя,  
Забитый снегом циферблат.

И в этот час, стихотворенье,  
Скажи, отважься до конца,  
Что геометрия строенья –  
Один из языков Творца,

Один... А то проступят руны,  
Людская гордость станет прах;  
Как коробком от спичек, луны  
Пренебрегут в своих мирах

Им – Коридором...

– нет – он крепок:

Он врос на сорока ногах;  
Он – шествиный знак, недвижный слепок,  
В иных вершащихся кругах.

Пусть он несёт в себе руину,  
Пусть всё пожары навестят, –  
Все в Божью врезано судьбину,  
И все прощённое – простят:

ЗДЕСЬ ДУШИ, ДАННЫЕ ДРУГ ДРУГУ,  
В ПРОСТРАНСТВЕ ОПИСАВ ПО КРУГУ,  
ВЫХВАТЫВАЮТСЯ ИЗ ИГЛЫ,

И, СРЕДЬ ВСЕЛЕНСКОГО ПРОСТОРА,  
В МЕЛЬЧАЙШЕМ ПОЛЕ КОРИДОРА  
ГОРЯТ НА ОСТРИЕ ИГЛЫ.

КОНЕЦ

*зима 1984-1985*

\*\*\*

*На берегу Обводного канала...<sup>3</sup>  
А. Иконников-Галицкий.*

*Здесь меж нами и нами  
престранный живёт холодок...  
А. Смирнова*

Сугубо городское, петербургско-  
жангильное, заносчивое, до  
судьбы ещё, до выбора, до бурсы –  
одним, другим – до выезда, – задов

не вытвердившее ещё, – верхушки  
упадка вызубрившее зато, –  
помноженный на икс лицейский Пушкин  
в советском просайгоненном пальто –

о, искус преждевременных пророчеств,  
о, привкус чрезмерной частоты  
свиданий, – и умелых одиночеств,  
и хвалит кукуха. Но – не на "ты"!

Геральдикой Европ, закрыв забрало,  
Наставник примагничивает нас, –  
На шпагу перекованным оралом  
Он страшный свой вооружает глаз,

---

<sup>3</sup> На берегу Обводного канала, в ДК имени Цюрупы, несколько лет существовало ЛИГО под руководством поэта Виктора Сосноры.

И мним, птенцы у льва: настанут сроки –  
И карты в руки, и у нас – игра...  
И чёрной кровью истекают строки  
В протухший мир – по капле серебра...

Ты задан, ты заранее предсказан,  
Определён на роль, – и что за роль!  
Тот слог, что на Востоке быть обязан,  
Поймёт тебя. Но нет, мой друг, уволь,

Поэт бредёт один, куда не надо,  
А Дух кивнёт, – глядишь, и за порог...  
Я жду прощанья – и боюсь разлада.  
Я нажимаю, – брызгает перо.

Подвоха жду, и не ищу обмана,  
Делю и множу, и свожу к нулю...  
Но в День Трубы достану из кармана  
И в согнутых ладонях предъявлю

Холодный воздух сумерек, в анналах  
Не сохранённый, майскую печаль,  
Фабричный дым Обводного канала,  
На памяти дымящую печать, –

И, в степень Стикса возводя стальную  
Послезакатно мёртвую струю,  
Я вновь к тебе Наставника ревную  
И ночи белый вгит устами пью,

Но сей напиток – в рифму сновиденью...  
Пустеет вывернутая ладонь –

И всходит, как от жара, и владеет,  
И улетает *странный холодок*,

Захлопывающий бывлые ставни,  
Сводящий лица в точку пустоты...  
И нет Сайгона, и оглох Наставник,  
И ты уже далёко, друг. И ты.

1983-1995

\*\*\*

Отсевшись по накалам,  
До встречи в единый, Онь,  
Осев по семейным кельям, -  
Мы пестуем тот же огонь,

И он согревает вещи  
И детям круглит чело,  
Пока немотствует вече  
И городом правит зло.

\*\*\*

О ницета вещей и городов тшета!  
Старье, расчет с былым, что "нынче" не чета -  
Потрепанных дворов дворянский разнбой...  
Но что в них толку, коль кончается - тобой,

теперешняя жизнь? И что с того, что ты  
привольнее течешь в кварталах бедноты,

где белые дворцы растут за рядом ряд?  
Обожжены тобой, загажены стоят,

желты, обнажены с исподу и торцов,  
раздетые дома расстрелянных отцов.

*ноябрь 1988*

*Васильевский*

**ИЗ КНИГИ «ЗАМОК»**

*Остановка 47-го автобуса возле Летнего Сада, напротив Михайловского Замка, наискосок от Марсова Поля, по дороге в Университет на курсы немецкого языка в ноябре 1984 года*

Мир с Моген-Шломом над каждой башней!  
Ты все на запах позавчерашней –  
Удел в рожденьи моём наземном,  
Стрегущий в бденье ношном и денном!

На Марсовом Поле – Палец кровавый.  
На Небе – люминесцентный Облик<sup>4</sup>.  
У Сада – малый орел двуглавый,  
Над Садам – чары горячий облак.

А против автобусного прикола –  
Царь-Замок, матовокрасная школа  
Котельных геральдик, – чудище духа  
Империи Прежней, гудящей глухо.

Как в млеке варен (блюдушим – мерзкий!),  
Он – мясо мышцы от Тёлки Русской...  
Доселе мне не звучал немецкий,  
Которым камни крепки – и русла

Истории – не д у ш а, а с и л а.  
Так вот что сватается к России, –

---

<sup>4</sup> Профиль Ленина, составленный из маленьких новогодних лампочек, если кто не видел или не помнит.

А я, уткнувшись в душу,  
Не удосуживалась – наружу!

А там – пощады не знают. – Странно,  
Что память сыплется словно сажа,  
Что освежёванный дом тирана  
Заносит крест над собою сам же,

Что туч клубится над ним каракуль...  
Подгнивший, на ступенях, Геракл,  
Подарок сватов, – как прежде бодр.  
Но мы успели вкусить свобод,

А брак распался... На перст кровавый  
косясь, клекочет орел двуглавый,  
как некий выходец из Эреба,  
исчадь сумеречного неба...

Вокруг него угасают объёмы,  
И тело с камнем сравняло плоть.

Два мира – здесь. Я – нигде не дома.  
Но в оба мира глядит Господь,

а там, меж веток, в тумане, прямо –  
молчит в оковах виденье Храма.

## ЛЕСА НА ХРАМЕ ВОСКРЕСЕНИЯ

Чудо – в самой сердцевине  
Града. Плоскостей скрещенье.  
Храм, выкрещивайся тесно  
Из лесов твоих, сращённых  
С бестелесным Камнем Тела,  
Где оплаканы по чину  
Все дощатые, с лучиной,  
Рериховы-на-посадах...

Чудо – в замерших каскадах  
Времени судеб. На льдистых  
ветках-тропках Сада Судеб, –  
На крестах промерзших досок,  
Меж громадин, где в сосудах  
Борются два пленных смысла –  
Оба – с грамотой царёвой,  
Оба – на крови невинной<sup>3</sup> ...

Чудо – в самой сердцевине  
Двух скрестившихся объёмов,  
Что вербуют проходящих  
Прямо на тропинках сада...  
В инее стоим, и кожа  
Чует, как скрещенье досок,  
Бдительный сквозняк опеки...  
Но – не им мы.

И вовеки

Сохранит нас камень прочный,  
Купол вечный...

---

<sup>3</sup> Михайловский замок убитого Павла смотрит через парк на купола Спаса-на-Крови.

– И выкрещивается из млечной  
Пелены дошатай, тьмы опричной  
Тело Храма, словно нисхождение  
Будущего в прошлое – не ждали  
Снятия лесов, а совершится, –  
Не когда-то, а вот-вот, – крошится  
Ткань времён, как в инее --

две плёнки

Наезжают друг на друга плавно,  
И объёмным восстаёт из праха  
Тело Храма в сердцевине плена,  
Словно в мёртвой плоскости запаха  
Мехового – вздрогнувшее сердце,  
Вещее и сущее в двух планах...

Чудо – на скрещении трёх плоских  
Восьмистрочных строф геометричных,  
В голографии, – так на обоях,  
Ежели скосить глаза, – рисунок  
Выступает, как рельеф; просунуть  
Руку можно между ним и стенкой,  
Кажется... Протискивайся тесно,  
Инобытие, в рисунок косный,  
В камень крестный!

И тогда, наверное, свершится  
В мякоти реальности бескостной  
Нечто, и на шаг простой и грозный  
Наконец История решится –

В мути Сада, снежной и беззвёздной.

\* \* \*

Кто ночью не просыпался,  
И кто не рождён на свет?  
Недоуменье Пасхи –  
Третья из этих бед.

Оттаивающее сердце  
Погонит – сперва с трудом –  
Кровь – в затёкшее смертью  
И скованное льдом...

Ждать и хотеть – опасно  
От праздничного куска.  
Не грубая радость – Пасха,  
А даже сперва – тоска.

В какой-то глубине безмерной,  
За каменной горой...  
И совесть воскреснет – первой,  
И трезвость – за ней – второй.

И час протомит за часом,  
Пока взметнутся, плеща,  
Складки дождя над Спасом  
И ливни Его плаща.

*Светлая Пятница 1985*

\*\*\*

Рассветный, мерзлый, алый час.  
Клубится заостренный Спас.  
В древесный низкий свод ворот  
Луна-чудовище плывет.

Се день, когда осела взвесь:  
Я не хочу того, что здесь.  
На воздух жизни и любви -  
Спас-на-Крови, благослови!

Я родилась, чтоб быть и знать.  
Нагнулся Бог, чтоб мир поднять -  
Вот вся история! - вполне  
Она вмещается во мне:

Я - дивозритель и солдат,  
И я - слепой, бредущий в ад.  
Я - Божье "да". Я - след огня...  
Скажи им, Боже, за меня!

*5 февр. 1985*

## ВСАДНИК У МИХАЙЛОВСКОГО ЗАМКА

Могучая ленивая вода  
Вовек бы под мостом не танцевала,  
Но всадник конный раз и навсегда  
Нам задал разницу потенциалов.

В смятенье сил и дней бросаясь,  
Никто не выплывет нетронут.  
Как трансформатор сотрясаясь,  
Он всё пронизывает током, –

Таким запомнится навеки  
Он у Михайловского замка:  
Как дырка у небес на лице,  
И в мякоти у дня – распорка:

Кусок невидимого мира,  
Но здешним выкрашенный камнем,  
Он – центр крутящегося вира,  
Куда и мы безвестно канем,

Коль ангел, блящий в этом супе,  
Не осерчает, не подхватит:  
Есть страны, где больных не судят,  
Есть страны, где за корм не платят, –

Оттуда – в нас – дежурят тоже.  
Об этом в Библии: припомним.  
И двери отперты прохожим,  
И в нишах выкрашены камнем

Цветы невидимого рая,  
Который тоже здесь, – как Всадник,  
Что забирает, завывая,  
Всех, кто забрел случайно в садик, –

Детей, и нянь, и скрип колясок,  
И служащих, гребущих мусор, –  
К Истории во чрево, с лязгом...  
На каждом облаке – по плюсу,

И, с отрицательным зарядом,  
Сам Петр, в размышленьи некоем,  
Плывет навстречу им – то льдом,  
То всадником, то человеком.

*4 мая 1985*

\* \* \*

"4.7. Для решения задач по обеспечению взаимодействия с САЦНТИ большая работа проделана в местном ЦНТИ, в котором в интересах всей АСНТИ было произведено 0...."

*(обрывок документа,  
найденного на полу в Мальтийской Зале  
Михайловского Замка, где в  
то время располагался отдел ЦНТИ  
под названием ОСИД)*

Всю зиму дул морской ветер.

\*

Человек оборачивал к западу  
мягкое, запачканное лицо,  
и ветер высекал из него слезы,  
и газеты крутились высоко над камнями.

\*

Ветер с моря дует всегда,  
ровный и сильный.  
Взгляду всегда есть куда обернуться,  
чтобы столкнуться своим слабым лучом  
с ослепительным блеском кладбищенского креста,  
отразившего властное слово солнца.

Но:

с поздней весной,  
пройдя через дни обмана и страха,  
я отвернулась от креста и ветра,  
жаркое заспанное лицо  
подняла с подушки,  
шагнула в безветренную ловушку:  
груды мусора  
неподвижно скапливались в подворотнях,  
и реяла тонкая сажа.

Казалось – я заблудилась  
в замкнутом восьмиугольнике Инженерного Замка,  
и не найти мне, скитаясь между тупых углов,  
чернокопийных створок ворот чугунных...

\*

Облака оцепили тускнеющий город,  
встали дозором над всеми его восемью углами,  
дышат морским ветром,  
ключьями садятся на железную рухлядь крыши,  
безымянно проходят в глубинах сердца,  
тело пронизывают в виде слов и мыслей,  
вниз и вглубь уходя – но не покидая,  
никогда навечно не покидая...

*1984 сентябрь-ноябрь*

\* \* \*

Театр этих зданий – как колода  
Таро: попав, не выбраться вовек.  
Прощай, свобода! Погоди, свобода:  
Я отрешусь от раскрещённых рек,

от мрачных ликов этих властных башен,  
луны в восьмиугольнике двора,  
поголодаю без столовских брашен  
и разорву свои договора,

зане они подписаны не кровью,  
а слякотью ночною и в бреду...  
Как облако, всплыву в лазурь, и бровью,  
и бровью, говорю, не поведу, –

И небосвод Эллады и Персиды  
Меня примет в отчий океан,  
Послушать, как зияют аониды  
В эфире, что лучами осиян,

Как ураганы пред Иерусалимом  
Колена преклоняют и песок  
Целуют;  
и, полуднем осолима,  
лежит земля, и свод над ней высок;

И вот душа, освобождаясь, эпохи  
Перстом перелистнёт, и с высоты

увидит, как бангорские монахи  
в хазарский Киев идут со кресты<sup>6</sup>, –

и что мне мрачный север предпоследних  
времен, и что мне Тартар неродной,  
когда жужжат аттические слепни  
над Цингией моей переводной?

– Но затоскую и под небосводом  
По шпилям, что кружатся при луне  
Безмолвным тароватым хороводом,  
По тайной речи, слышной только мне,

Ее категорическому камню,  
Иным мирам, дрейфующим во мгле,  
Как мрачные суда, – и се, эклогу  
Как парус развернув, скажу земле –

прощай, зане судьбы не переправишь,  
в театре стен не перепишешь роль,  
и след, что ты в восьми углах оставишь,  
вовек ничей, не превратится в ноль.

1991

---

<sup>6</sup> Некоторые считают, что первыми христианство в Киев принесли ирландцы-миссионеры из знаменитого Бангорского монастыря (а от них преемственность уходит в ещё большую глубину времён, к сирийским отшельникам).

**ИЗ КНИГИ «МУЗА ПЛАЧА»**

\* \* \*

Ржевка, Гражданка и Пискарёвка!  
Проржавевший скарб  
    раскладываю с тоскою.  
Здесь душа глядит сиротливей и обречённой,  
чем в иных угожьях земного шара.

но бряцает на мне ваша ржавая цепь,  
    все равно что на том  
одичалом призраке,  
    спятившем от тишины в пустом  
родовом поместье, а ныне сарае под  
аммофос и шифер, с видом на край болот,  
затаивших куски арматур в глухом рукаве,  
старых шин остатки в сырой траве, –  
(поле, кто усеял?! – ужель меня...)  
– И за лесом ночей неведомых два огня.

Хочешь – плачь по ночам у школьного у крыльца,  
хочешь – сядь на бетонную глыбу и жди конца,  
хочешь – встань, и прочь;  
    но тогда звонок прозвенит,  
и бетонную глыбу трещина прозмеит,  
сухо выстрелив; и на воде болот  
превратится случайный след в неразменный лёд.

*1990-1994*

\* \* \*

Век ли мне вопрошать, не выслушивая ответа,  
Налагая на голос разума – вето?  
Пустоты выносить придирки, её попытки  
Заполнять себя моею виною? искать подпитки  
У неё же, прикидывающейся щедрой,  
Приспускающей шаль с плеча, чтоб казаться Федрой?  
Надосли мне эти сплетни, упрёки, шашни,  
Неспособный окончиться завтрашним день вчерашний,  
Все из прошлого тянущий старые сопли, вещи,  
Отношения, спутанные в зловецкий  
Узел, склеенный прочной слюною черта,  
Не имеющей на земле аналогов; ночью чёрной,  
У забора, у вод канала, под тенью Спаса,  
Век ли мне сознать – такова специфика часа,  
Разливанная формула здешней души, втихаря ревнивой,  
И идущей на всё; как жаворонок над нивой,  
Распеваает она, сирена, в глуши болота,  
И велит мне ждать – не случится ль ещё чего-то?  
То ли дождь золотой, как прежде, в закат прольётся?  
То ли враг с мировой придёт? То ли друг вернётся?  
То ли знаки дня обернутся Господней фразой?  
...Пролети над этим лесом, душа, над овощебазой,  
Над каналом, храмом и кладбищем с черепами,  
Где у каждого третий глаз, невидимыми стопами –  
– Словно здесь ещё не случилось всего, что можно! –  
– проберись к ней в блиндаж, оглядываясь тревожно,  
отыщи там зайца, в зайце – яйцо, в яйце – передатчик,  
переставь там внутри какой-нибудь проводочек –  
пусть вещает на Галлию, Дакию: их забота!..  
И тогда – свобода, слышишь? Приём! Свобода!

1994-1995

\* \* \*

Я знаю – через несколько столетий  
в каком-то времени из параллельных  
(в том параллельном городе, что снится)  
ты и другая возвратитесь к жизни –  
и вместе будете; я даже знаю адрес –  
на Малом почему-то, где-то между  
Седьмой и Восьмой, к Неве поближе.  
И та, другая – буква манускрипта,  
зрачок геенны – обретет свободу  
от зла, и, туго повязав косынку,  
дубовый пол надраит старой шваброй,  
и обернётся в миг, когда дубовой,  
входя, ты скрипнешь дверью, стеарином  
на половицу капнув. Снег ложится  
на старую бульжную дорогу,  
и у Шести углов фонарь бессонен,  
и Невский извивается, и Мойка  
проходит параллельно... Всё как прежде...  
Но что тебе сулят координаты  
надмирного существования? Снова  
пойдешь по свету мыкаться, прощаться,  
не встретившись, на поиск Человека,  
которого искал не там? К подругам  
и недругам заглядывая ночью  
в запутанные сны? ...Я забегаю  
вперёд; ещё ты жив, и ты читаешь  
сие стихотворенье, и по смыслу  
темно оно, ты говоришь, охоты  
нет расшифровывать. Как будто тексты жизни  
тебе понятней. Или тексты смерти.

*1980-1995*

\* \* \*

К серебристой Фландрии, затканной  
паутиной холстинных нитей,  
к берегам угрюмым норвежским,  
затканным сетью фьордов,  
к скалам кельтским,  
затканным ежевикой,  
и к открытым отмелям серых небес,  
к океанам серым и чёрным  
без берега и края,  
к Ультима Туле,  
как кит, всплывающей из пучины, –  
вход и путь открыты,  
и встали у входа  
свайные каменные дома,  
невская птичья лапа,  
саркофаги убранных для погребенья дворцов,  
чад и золото малой церквушки,  
похожей на кочегарку,  
и ночная незримая эйфелева башня,  
одинокое сигналившая на островах сирени,  
и тоска невыразимая в черную оттепель с моря,  
ибо оттепель смотрит из недр зимы...  
А когда дохнет океан,  
чёрный и серый,  
все становится крохотным,  
видит себя как есть  
и смолкает,  
ибо дует он от Ультима Туле,  
с берегов друидов и кельтов,  
затканных ежевикой,  
от голландских гаваней,

с берегов угрюмых норвежских,  
от стеклянного Аваллона<sup>7</sup>,  
с берегов бессмертья...

И глядит удивленным оком душа,  
глотившая этой влаги,  
обгрызая кончик карандаша  
над листком бумаги,

на недобрый прищур Москвы,  
что чует измену,  
глядя в спину Питеру;

скачут её послы конопатить стену,  
узурпировать, утробной мглой обнимая,  
закрывая плотные ставни и не вникая  
собственному верлибру.

растущему в недрах рифмы,  
бьющемуся в сердечный брег, как волна о рифы,  
как птенец внутри яйца –  
в позолоченные своды;

на земли драгоценный скат,  
что блестит к восходу,  
но к закату идет во мглу, –  
и крошатся контрфорсы веры,  
и взметает ветер листы, воздвигая верфи,  
миражи островов колебля над белой гладью,  
отбирая перо у меня –  
и владея моей тетрадкой.

1990-1995

---

<sup>7</sup> Так именуется и описывается страна Бессмертных в кельтском фольклоре.

**ИЗ ДРУГИХ КНИГ****\*\*\***

Душе подростка - города  
Так много говорят.  
Врезаясь в сердце навсегда,  
В ней улицы горят,

И всех домов безвинно жаль,  
И жаль своей судьбы...  
И, чтоб остаться до трубы,  
Ложится на скрижаль

Строка, чьей жизни - пять минут,  
И боле не сулю...

**\***

И что другие проклянут,  
То я благословлю.

*1989***\*\*\***

Апостольский, архангельский, небесный,  
Подвешенный над ледяною бездной,  
Пройти тобой от Дома Книги до  
Финляндского вокзала – никогда

Нельзя как по земле; до синевы  
Заиндевело, сторонясь Невы,

До пурпура, до мрака, до поры,  
Как снизойдут нездешние миры

На мёртвые дома, в просвет колонн,  
Где безымянный град – уже не он:

Костлявясь, дерево подол приподнимает,  
Река иное небо принимает, –  
И, не сойдя с ума, не сможешь ты  
Полкосмоса пройти до темноты.

А то и три-четыре; на миру  
И смерть багрова, -- ибо на пиру  
Планет и сфер не каждый проползал  
Под праздничным столом; уже вокзал

Манит вдали; ты подсмотрел совет  
Стихий и сил, и до скончанья лет  
Трубить тебе теперь на каторге планет.

*1995-1996*

## В СТОРОНУ ТОКСОВО

На уюгах облаков,  
На кораблях облаков  
Вплыв, обретает день  
место среди веков.

Нет, не память в веках,  
А только место в веках,  
И засыпает, как  
Синица, у них в руках.

Но, бодрствуя, в дни веков,  
За грань, примет лишена,  
На плотах облаков  
Странствует тишина.

Разом объемлет взор  
С неба – её улов:  
Это – Арзрум озер,  
Это – Халаф холмов:

Она, как Ашик-Кериб,  
Даль эвксинских вуокс  
Пронизывает на сгиб,  
Пробует на зубок, – с

тем, что Токсово есть Восток  
Запада, словоер  
Ингерманландских строк,  
Тыл предзакатных шхер,

Гул заросшийских строф,  
Облачный архитрав  
На вертелах травы,  
На рычагах ветров, —

И челны рыбаков  
Углые — вдалеке,  
И тонкая нить — в руке  
У каждого из облаков —

Как куклу, свою же тень  
Влача за собой, они  
Прозревают прадревний день  
И прабудущие дни,

Безмолвия их полны  
И немые их полнотой, —  
А между времён — челны  
Свой невод влачат пустой,

А в нем — ни манны с небес,  
Ни рыбы озёрной, — как  
будто не между бездн  
плывут, а между зеркал.

Ужель обнажилось дно  
Времен, водоемы слов?  
Ловцы в волнении, но  
Они и сами — улов

В слепых сетях тишины –  
и с берега чей-то взгляд  
Вытягивает челны  
Строка за строкой назад,

Поскольку в струенье лет  
И в коловороте вод  
Дна – нету, не двинешь вброд,  
Исчерпанности – нет.

И если, думой объят,  
Ты странным волнением полн,  
Уж верно – твои стоят  
Ноги – на кромке волн

пустынных, открыт зазор  
Меж "было", "есть" и "всегда",  
Чтоб свайные среди озёр  
Выстраивать города,

И пламя ловить с челнов  
И прятать в шар вощаной...  
Ибо ещё ничего  
Толком не воплощено,

И новые небеса  
Теснятся воды испить,  
И флот круглит паруса,  
Ища себе устья – вплыть

зазором разжатых век —  
в простор пустынных заток,  
и там обрести навек  
место себе меж строк,

ибо пока — ничей  
Мир, что скользит в зазор  
На веерах лучей,  
На разрывах озёр,

Ветру наперерез,  
в окоём голубой...

\*

И флюгера небес  
Вертятся вразнобой.

*Токсово, август-октябрь 1999.*

## ДОМ ТИШИНЫ

Город, с улиц твоих мне воды не пить,  
И на шпиль твои не наводить буссоль.  
Я живу в тебе, Город, чтоб тебя накопить,  
А потом понемногу расходовать,  
как из тряпочки соль.

Облака твои исполинские  
держат меня в кольце,  
В кулаке меня держат,  
в грохочущей тишине.  
Я в твоих закатах, как в бабочкиной пыльце.  
Оттого-то, наверно, никто и не нужен мне,

Оттого-то, наверно, я во всех влюблена,  
Оттого-то надежды мало,  
что мы не умрём,  
Оттого-то вселенная начинается у моего окна,  
А мышиный лаз пасхальным заканчивается тропарём.

Отраженья значительнее предметов,  
и лужи – как жидкий свет.  
Город, я сложусь ковшом, пей с моего лица.  
Облачная бахрома  
отползает за ливнем вслед,  
А вдали, за бараками – новый фронт,  
и так без конца.

Город, мне твоих небес не исчерпать,  
По соринке всех слов не вынести за порог, --  
Бесконечен Дом Тишины,  
и сладко в него вступать,

И, запасшись солью, спускаться вниз,  
давая себе зарок, --

С улиц и зданий твоих, о Город,  
нет, мне воды не пить,  
Воздуху твоего вдохнувши, верхней ноты не брать,  
В реках твоих хмельных судьбы не топить,  
По мышинным норам и лисьим лазам рук не марать...

*2001*

## ИЗДАЛЕКА

\* \* \*

На легкой туче пролетая,  
Районы Питера листая...  
Мой взгляд, свободный и ничей,  
Скользит по линиям лучей –

Невидимых, но не бессильных:  
Крестов – церковных и носильных,  
Ужасных зданий, мрачных дум  
И лжемоделен, глящих ум.

На лёгкой туче, позлащённой  
Закатом праздничным, -- над чёрной,  
Извивом, Мойкой, в безопасной  
Дали, пасхальной и прекрасной,

Гляжу – и страшные скрещенья  
Лучей – слежу, и запрещенья  
Спускаться – чувствую как благо,  
Но рвётся под пером бумага...

Но почему? – к воде свинцовой  
Не тянет, вдоволь над Дворцовой  
Я навидалась полнолуний  
В горячих сумерках июней;

Летя, как над шатром Казбека,  
Над Исаакием благим,  
Внимая спору, что от века,  
Неслышный слышащим другим,



В пустой февраль без Бродского, в своё  
Опроверженье, в мерзлое жнивье

за улицей Мюльвег, куда уже  
не ходят на прогулки; на меже –  
лёд и вода, а дальше – скудный снег  
и комя глины, и печальный бег  
автомобиля в сумерках – к огням  
универмага, брошенного дням,

как кость, чтобы отвлечь их от живых  
в преддверии событий межевых.

*Февраль 1996г.*

## ПИСЬМО ИЗ ГЕРМАНИИ

«... эту пригодившуюся гать!»

*Д. Бобышев*

Не здесь, не здесь пространство для стиха,  
Отнюдь, увы, не здесь, где эс-це-ха  
Читается как «ш» – а там, вдали,  
В петровской колбе, там, где корабли

Под парусами взбугривают гладь  
Невы гравюрной, – в тех краях, где гать  
Проложена стихами средь болот;  
Облупленных пузатых балюстрад

Далёкий край, трамвайных рельс. дерев  
В Румянцевском саду, – и где, возрев  
Единожды на город, алый диск  
Запахивает тучу; обелиск

Уходит в серый мрак; и вы, и вы,  
Бредущие по берегу Невы, –  
Вам сумерки грозят своим перстом  
И беспасхальным будущим постом.

Но время не шагает по прямой,  
Как в Эммаус, бредущие домой  
От предрассветных ранних литургий!  
Приветствуем же замысел благий,

Отвыкнем же от юношества, от  
Надежд его, терзаний и пустот,  
Заполни же пространство, о поэт,  
Блаженной речью, ждавшей тридцать лет.

*Апрель-февраль 1997*

**КНИГА ПЕТЕРБУРГСКИХ ЗАКАТОВ***(фрагменты)***\* \* \***

ориентируйся по кронам,  
по облакам и по закатам

**\* \* \***

Все закаты – в тон одному Закату. Петербург – вообще город Заката. Город, Претерпевающий Закат. Долгий северный закат для Петербурга символичен. Рассветы здесь чаще всего мучительны: холодно, темно. Мучительна «петровская заря», пробуждение в новый день российской истории, вздёргивание России на дыбы, хотя уже давно известно, что никто никуда не поскачет, а всё так и замрёт в претенциозной позе. Город строился на заре, на сотнях мертвецов, не переживших рассвета. Поскольку – попере́к основного, закатного смысла. Ибо Петербург – Окно не столько на запад, сколько в закат, в мистические просторы заката. Это серьёзное. И это окно всегда распахнуто. В Петербурге возлагается меньше надежд на День Этого мира, чем, скажем, в Москве. Потому и говорят сведущие люди: этот город построен не для жизни. Петербург смотрит за горизонт пророческими, знающими очами: в закатный отказ от здешнего, в запредельность, в преодоленность дня, в запредельность, за-суетность, за-ночьё. А тем временем ночная нечисть уже готовится как следует разгуляться после заката.

**\* \* \***

Поэт – с павлиньим хвостом городского заката – осторожно переступает на тонких ногах коленями назад, бесцветный и яркий среди бесцветного и яркого мира, рассечённый на части и плоскости тремя мечами – белым, чёрным и серым. Белый меч –

мироотречение, на рукояти его – крест, лезвие – безжалостность. Чёрный меч – ненависть и гордыня, приговоры и законы хладного света. Серый же меч – меч только с виду, на самом же деле это каучуковая дубинка, которая не рубит, а плющит: это – необходимость жить, покупать червячков на прокорм, а то клевал бы себе камушки.

Странны и чудны дела Твоя, Господи! Отчего всё, что Ты сотворил вместе с нами и вокруг нас, уверено, что останется в бытии благодаря нам? А доверие обманывать нельзя. Доверие – священо, как гость. Всякий получит по вере своей. Вещи потому и существуют так безмятежно, что уверены в нашем благородстве – уж мы не подведём, мы запомним, опишем, зарисуем, сфотографируем. Дети и то не так безоговорочно верят в прекрасную мудрость взрослых, как вещи: ведь дети надеются эту мудрость унаследовать, вещи же надежды лишены, зато верою их мир стоит. Не весь мир, правда, – небо, например, на нас не рассчитывает. Небо с людьми находится в неисследованных доселе отношениях, которые, кажется, никого, кроме поэтов, не интересуют. А напрасно. По крайней мере, небо, на нас не рассчитывая, со всей очевидностью нас УЧИТЫВАЕТ. Но почему? И каким образом? Почему возможно, хитроумно организовав распределение облаков, спроецировать в зрочки ничтожного наблюдателя целую широкоэкранную мистерию, причем так, чтобы на другом конце города другой досужий зевака тоже видел над собой небесное кино, но уже другое, как если бы он был один в кинозале, и механик старался для него одного<sup>1</sup>?

---

<sup>1</sup> К.С.Льюис в своей книге «Чудеса» пишет: «...Мысль о том, что заря может быть каким-то образом «отрежиссирована», что она может иметь ко мне какое-то непосредственное отношение, в те времена мне претила. Если бы я узнал, что тот или иной конкретный восход (подставьте «закат» – смысл не изменится – М.К.) не просто «произошел», а был разыгран для меня нарочно, я был бы так же неприятно поражен, как в тот раз, когдамышь-

\* \* \*

Казалось бы, закат выводит за привычный круг. Город на берегу моря, ну пусть залива. (Это тоже важно – до настоящего моря далеко, к нему ещё плыть и плыть). А есть что-то, созданное специально для Петербурга, квази-море. Петербург ухитряется даже море и закат замкнуть на себя, присвоить. Вернуть против течения, отразив в волне наводнения. Петербург затоплен закатом, вместо того, чтобы в него втекать.

\* \* \*

Однако вещи, как и тени, должны знать своё место. Легионы доброхотов кладут время жизни и жар таланта на то, чтобы надежды вещей не изошли дымом, чтобы вещи обрели желанное новое качество и вечную жизнь в человеческом слове (или бессмертие для человеческого взора). Но над умоляющими безглазыми лицами вещей летит пестроцветный вихрь ни о чём не умоляющих Мимолетностей – совпадений, мелодий, неожиданных ассоциаций, иероглифов дыхания. Упусти их, и они не вернуться уже никогда, ни в этом веке, ни в будущем. Поэт идёт сквозь эту рождественскую метель как Паганель по дебрям южноамериканских джунглей, – к шляпе у него привязан сачок, в кармане баночка с эфиром для усыпления пойманных экземпляров, на шее – записная книжка, в зубах – вечное перо. Ветер выдувает из невидимой лавы мельчайшие мёбиусовы колбочки, и шляпу с

---

полевка, замеченная мной у изгороди в малолюдном месте, оказалась заводной игрушкой, выставленной напоказ – то ли моей забавы ради, то ли – еще того хуже – в целях нравственного назидания... Какая пошлость, какая невыразимая скука!.. Выздоровливал я от этих настроений постепенно...» Разумеется, ни закат, ни восход, ни льюисов «ручеек в чащобе» – не декорации и не перчатки, которыми пользуются высшие силы для своих пантомим. Просто, если поднести магнит к оборотной стороне листа с железными опилками, что умеют делать и люди, опилки на это откликнутся, вот и все.

сачком приходится надевать на голову тульёй вниз, чтобы хрупкое стекло падало в бархат подкладки и не билось. Кандинскому было проще (и вообще художникам проще) – он просто перерисовывал свою добычу, вернувшись домой с прогулки, и вся недолга. Поэт же ещё торопится понять, изъяснить, разгадать, а они тают в ладонях и к тому же оскорбительно равнодушны. Не диво, что большинство предпочитает нянчиться с вещами. Чувствуешь свой авторитет. Это приятно – говорить покровительственным тоном, трепать по щечке. А гоняться за ветром – чего доброго, потеряешь к себе последнее уважение. Можно, конечно, развернуть зрение внутрь, – там тоже целые вороха ёлочных игрушек-мерцалок: вот она есть, и вот уже нет. Закрепляешь их с подобострастием на ветках своей ёлки. А им и горя мало.

\* \* \*

Алая краска спустилась в небо – прилила как кровь. Солнце появилось под размытыми облаками размытым пятном, на мгновение оставило на серой стене геометрические картины и скрылось. Это – начало действия. От скрытого в туче солнца небо принимает форму, различается само в себе, утверждается, а над крышами копится розоватое свечение – аморфное, как осадок этого формообразовательного процесса. Далеко вверху появляется строгий, неподвижный, лучезарный узор перистых облаков. Размытые тучи мгновенно принимают определённые формы, располагаются в недоступных городу областях небес многозначительно и осмысленно. Одни, как тёмные раковины корабликов, плывут в открывшуюся протоку, другие длинными параллельными струями втягиваются в какие-то воронки. Постепенно форма и осмысленность распространяются от центра, где спряталось солнце, на всё небо. Это – ноты ангельской музыки, ангелы поют по крюкам облаков. И вот все облака ушли в воронки и протоки, и солнце – вращаясь – серебряное -- появилось наконец

из-за тучи. Медленно и по-царски, уже чётко очерченное. Изливая яркую милость. Постепенно серебро тяжелеет, превращается в золото. Солнце царит на небе единовластно, отражаясь во всех стёклах на земле. Как оттеняется тёмная скудость души! И почему мы открыты этой – иной – реальности? Почему мы вообще всё это видим, и между нами и небом нет никакой границы?

\* \* \*

Охотиться за эфемеридами Кандинского – жребий поэта, или один из жребиев. Дети встра неблагодарны и недолговечны. Им нет дела до нас. А с небесами у людей отношения совсем иные. Небо УЧИТЫВАЕТ нас (см. выше). Закат разворачивает свои гигантские полотна, глядя прямо нам в глаза, словно мы и есть центр мироздания. И мы не знаем, чего он от нас хочет. Лелеять тщеславную уверенность в том, что небо, как и окружающие нас вещи, жаждет обрести в нашем слове или карандаше иллюзию бессмертия – более чем наивно. Сколько в музеях картин, изображающих закаты! И ни одна из них не имеет к вдохновившим ее когдатошним закатам ни малейшего отношения. Ловить закат на блесну как золотую рыбку и сажать в аквариум – тоже бесполезно, ведь мы не знаем, какова естественная среда обитания заката. Но вот что странно: когда восстанавливаешь тот или иной закат по старым записям, достаточно вспомнить что-то одно, – и перед глазами встаёт вся картина целиком, в полной точности и одухотворённости. И, однако, это всегда – воспоминание и уже никогда – потрясение. Ещё раз: небо тем и отличается от земли, что не нуждается в наших воспоминаниях. Оно не нуждается даже в зеркале вод или зеркале стёкол, хотя при случае использует их. Земля восхищённо подставляет ему эти зеркала, отлавливает для себя кусочки неба. Это нужно ей, а не закату, и нам, иноприродным, не понять – зачем. Так имеют ли значение увиденные на небе мистерии? Стоит ли их записывать, запоминать, ведь это всё равно, что пересказывать сонату?

\* \* \*

Посмотрим, что получается, когда Поэту удастся изловить петербургский закат с помощью слова.

*Глядя на луч пурпурного заката,  
Стояли мы на берегу Невы...*

Ох, извините, это не та закладка.

Вообще-то, как ни странно, о закатах в Петербурге писалось мало. В начале его существования город воспринимался как нечто совершенно новое, ему прочили славное будущее, и естественно было петь скорее утреннюю зарю, нежели вечернюю (Вяземский: «*И на рассвете зрит // Лучи золотого дня*» (в аллегорическом смысле)). Или же внимание стихотворцев привлекали странные, неестественные для большого каменного города белые ночи («*...Что сияет от заката // В полночь полудневный свет?.. Среди багряна сткляна злата...*», «*...Кидала ночь свой странный полусвет...*», «*Не сон ли чей-то смутный мы?*», «*...тьма – как будто тень от света, // и свет – как будто отблеск тьмы*», «*...Печаль о земле озарили // Моря просветленных просторов...*»). Воспевая белую ночь, поэты иногда снисходят до того, чтобы заметить предшествующий ей закат, который, правда, интересен для них в этом случае только тем, что непосредственно переходит в рассвет: «*...В час, когда томят нас две зари...*». Мистика белой ночи никуда не зовет и не уводит – только «томит». Это – мистика «здешнего», мистика притягательного смещения тьмы и света, измененный вид «здешнего». Белая ночь открывает в обыденности какие-то неведомые измерения, иногда – жутковатые. В единственном случае, у Лидии Зиновьевой-Аннибал, в стихотворении о белой ночи акцент все же перенесен на закат, – и сразу же возникает тема «инога», запредельности, некоего «там»:

*«Червлёный щит тонул – не утопал,  
В струях кашлся золотого рая...  
И канул... Там, у заревого края,  
В купели неугасной свет вскипал...»*

*Река хранит чудес отображенья.  
Ей расточить огонь небесный – лень...  
Намёки здесь – и там лишь достиженья.»*

С точки зрения обыденного смысла, белые ночи для Петербурга важнее: закат – везде бывает, а белые ночи, кроме Петербурга – из цивилизованных мест – только в Скандинавии. (Но скандинавы, насколько мне известно, не делают вокруг своих белых ночей такого шума, как петербуржцы – вокруг своих). Поэтому не удивительно, что в петербургской поэзии редки упоминания о закате. Но и немногие примеры, в основном отыскивающиеся у поэтов «второго ряда», очень важны. Например, у Николая Гнедича:

*«...Вот солнце зашло, загорелся безоблачный запад,  
С пылающим небом слясь, загорелось море,  
И пурпур и золото залили рощи и дома.  
Шпиц тверди Петровой, возвышенный, вспыхнул над  
градом,  
Как огненный столп, на лазури небесной играя.  
Угас он...»*

Утренняя заря вызывает бодрые мысли о грядущем величии Петербурга и России. Белая ночь с её двусмысленностями и странностями заставляет усомниться в этом бодром мироощущении. Все зыбко, все нереально, призрачно и так далее. Но на закате нивесть откуда возникают совсем иные ассоциации – библейские,

апокалиптические, религиозные вообще, как в этом стихотворении – шпиль Адмиралтейства (или Петропавловки?) уподобляется ни много ни мало огненному столпу – тому, что вёл евреев через пустыню! Но огненный столп Моисея не исчезал, он пылал все ночи напролет, указывая путь избранному народу. А «шпиц тверди Петровой» – «угас...». От такого поворота метафоры впору случиться сердечному перебою. Огненный столп – и угас! Ворота открылись – и захлопнулись прежде, чем в них хоть кто-нибудь проскользнул.

Или у Петра Ершова в «Прощании с Петербургом»:

*«...Сокрылось солнце за Невую,  
Роскошно розами горя...  
В последний раз передо мною  
Горишь ты, невская заря!  
...О, не скрывай, заря, так рано  
Волшебный блеск твоих лучей  
Во мгле вечернего тумана,  
Во тьме безмесячных ночей!  
О, дай насытить взор прощальный  
Твоим живительным огнем,  
Горящим в синеве хрустальной  
Блестящим радужным венцом!  
Но нет! Румяный блеск слабеет  
Зари вечерней; вслед за ней  
Печальный сумрак хладом веет  
И тушит зарево огней.  
Сквозь ткани ночи гробовые  
На недоступных высотах  
Мелькают искры золотые, –  
И небо в огненных цветах...  
О, не видать тебя мне боле,  
Святая невская заря!..»*

Что поразительно в этом стихотворении: поэт сначала прощается с вечерней зарей, которую нсожиданно величает «святой», а уже потом, в следующих строфах, обращается непосредственно к городу, который покидает. И почему вдруг «невская заря» – «святая»?

Поэт уезжает из Петербурга, что-то в его жизни кончается, – и закат оказался к месту, был замечен. Когда все мысли только о победах и успехах, ни о каких закатах, разумеется, думать не тянет. В том же стихотворении у того же Ершова есть и «юной жизнью расцветая», и «Зари чудесного рожденья // В тебе блеснул вначале свет...» – и далее навязшие на зубах шаблонные дифирамбы Петру и его многообещающему городу. И – неинтересно. Но, обращаясь к заре вечерней, поэт был свободен от шаблона. Личные обстоятельства попали в тон закату. Обращаясь к «зарю», Ершов говорит только о своих собственных, непосредственных впечатлениях и переживаниях. И каким стихом! Его звукопись подожена изнутри: «РОскошно РОзами гОРя...», «Во тьМЕ безМЕсячных ночей»... Все здесь живо, всё могло бы быть началом чего-то нового... но поэт пугается своей асоциальности и спешит поскорее восславить град Петра, как принято у всех приличных людей. Посмотрел с моста на закат, сам себе удивился – и вперёд, проторенной дорогой.

\* \* \*

*«В Цареграде на закате,  
В Назарете на заре...»*

Закат – инсигния царских городов. Недаром в Царьграде правил император Константин Багрянородный.

\* \* \*

В том мистика, метафизика и просто смысл закатов, что они – хотя и не всегда, не механически, – предоставляют себя в качестве подмостков для явления в мир Высшего Смысла. Встречи Бога с местом и временем всегда особенны, а именно: не просто подразумевают наблюдателя, а ради него как раз и совершаются. (Если бывают другие разновидности таких встреч, мы об этом никогда не узнаем. За Богом без Его ведома подсматривать невозможно). Только эти точки встреч и интересны, поскольку они озаряют место и время одновременно новым и вечно одним и тем же светом, и из этих встреч расходится веер новых путей. А встречи места и времени с самими собой или с людьми наблюдать скучно. Тут ничего нового не произойдёт.

Если же в такой смыслообразующей точке окажется поэт, – событие можно считать совершившимся: из сотен десантных закатов один выполнил свою миссию и – преломившись через призму поэта ответа – будет жить дальше, даже если поэт истолкует то, что ему явилось, в сугубо личном, узком смысле. (В скобках: хорош же будет мир, когда окончательно потеряет интерес к поэтам! Гроша ломаного за судьбу такого мира жалко будет на кон поставить. Великан в непроницаемой пластмассовой броне, – от неё отскочит любая весть, любой совет, сообщение, оклик. Уверенно протопает он на закат и, не замедляя шага, как слепая Годзилла, бодро погрузится в волны океана).

Вот, для иллюстрации, раннее (однако же не про утро!) стихотворение Елизаветы Кузминой-Каравасвой:

*Смотрю на высокие стёкла,  
А постучаться нельзя.  
Как ты замерла и поблёкла,  
Земная стезя.*

*Над западом черные краны  
И дока чуть видная пасть;  
Покрывает незримые страны  
Крестом вознесенная снасть.*

*На улицах бегают дети,  
И город сегодня шумлив,  
И близок в алеющем свете  
Балтийского моря залив.*

*Не жду ничего я сегодня:  
Я только проверить иду,  
Как вестница слова Господня,  
Свершаемых дней череду.*

*Я знаю – живущий к закату  
Не слышит священную весть,  
И рано мне тихому брату  
Призывное слово прочесть.*

*Смотрю на горящее небо,  
Разлившее свет между рам;  
Какая священная треба  
Так скоро исполнится там.*

1916

Стихотворение обращено к Блоку, это известно, но, если не знать этой конкретной биографической подробности, – оно приобретает другой смысл. Кто этот «живущий к закату»? Блок. Но в ином контексте – любой житель Петербурга. Почему «живущий к закату» не слышит «священную весть»? Это – противоречие: вот он, закат, он возглашает священную весть, но те, кто, казалось бы,

живут прямо у порога этой вести – «к закату» – не слышат её: занятые восхвалением грядущего утра, они в лучшем случае используют закат в качестве декорации на оперных подмостках. Кузмина-Караваева настроена слышать весть – и чувствует свое одиночество. Блок – только частный случай общей глухоты. Все заняты – кто слушает «музыку революции», кто и вовсе неизвестно что – из собственных наушников. И рано прочесть им «призывное слово». Удивительное смирение поэта! Невероятно трудно, достоверно расслышав «призывное слово», удержаться и не зачитать его как можно скорее слабому на уши «тихому брату»! (Заметьте всё же, что глух в стихотворении – не кто-нибудь, а Блок. Каково смирение поэта – такова и спесь его: нужна дерзость, чтобы указать гениально чуткому Блоку, что и он чего-то не слышит). Все равно что угасание огненного столпа у Гнедича, – только здесь поэт гасит «столп» своими же руками, поскольку избранный народ смотрит в другую сторону... Этот мотив предоставления свободы чужой глухоте возносит стихотворение высоко над его конкретным смыслом. «Между рам» скоро исполнится «священная треба», – для кого? Никто не хочет внимать, или никто не может. Но и не пришло ещё время призывать. Точная, пронзительная характеристика эпохи, но и – прощающая. Трагедия: «живущие к закату» отвернулись – и не принимают той самой вести, ради которой они именно и живут здесь. И столп угас.

А вот Вячеслав Иванов – о заходящем солнце как об умирающем античном боге:

*«...И мещешь в мир твой пламя венцов твоих,  
И мещешь в мир твой пурпур одежд твоих...»*

Но Иванова я в этом контексте цитирую только справедливости ради. Вся его поэзия расположена в ноуменальном мире, любая непосредственная встреча с миром внешним – только

толчок, чтобы вылететь в мир идей. Все являющееся Иванов немедленно объясняет в терминах мифа. Это, конечно, имеет глубокий смысл. Однако Иванов никогда не поймает в свой поэтический сачок неведомую доселе бабочку. У него и цели такой нет. Его цель – наглядно показать, что все бабочки наукой – или мифом – описаны и поименованы. А если такой поэт, как Иванов, встретится с чем-то поистине новым, услышит новую весть? Тогда он поведет рукой и воскликнет что-нибудь вроде: «Се, весть горит на небосклоне, // Как встарь, трепещет Артаксеркс», – ну, может быть, не обязательно Артаксеркс, просто Артаксеркс обеспечивает рифму «Вавилоне». Разумеется, и мифы вечно новы, и к ним всегда полезно обращаться для лучшего понимания происходящего. Но опасно заключить себя в их стены – можно не услышать новостей с воли...

\* \* \*

Вечером на праздник Спаса Нерукотворного мы с сестрой были в Комарово на берегу залива. На небе стоял какой-то неземной, сверхъестественный закат (однако много же нам в жизни приходится видеть неземного и сверхъестественного), сложный и многоцветный, и по небу плыл, вдали от главной мистерии, о которой у меня в памяти ничего не сохранилось (так забывают сны), настоящий ангел. Каждое перышко выписано, все пропорции соблюдены. Мы видели его сбоку, на нас он не смотрел, просто неподвижно летел, со сложенными на спине большими крыльями, которыми, конечно, не махал. Так он и летел, не шевелясь и изменяясь бесконечно медленно, но так до самого конца и не перестал быть ангелом, даже улетев, растаяв, потеряв ало-огненно-золото-пурпурную раскраску. Что удивительно, кстати, в этих облачных ангелах, так это их полная свобода и та свобода, которую они предоставляют наблюдателю. Они не летят тебе навстречу, чтобы навязать что-то, они летят «по своим делам», а ты как бы случайно увидел. Но ведь если ангел тебе явился – разве это не

значит, что он навязывает тебе веру в себя? Нет, ведь я всегда могу сказать себе, что это просто облако. Таковы дивные устои небес: ты всегда можешь отвергнуть чудо, свидетелем которого был, и, если совесть тебе позволит, объяснить его материалистически. Чудеса случаются как-то скромно, ненавязчиво. Ангел показался нам, но не нарушил нашей с сестрой прогулки, не потребовал упасть ниц, не внушил тяжелого шока – вот высшая деликатность! Мне кажется, он всё ещё летит, летит, слегка склонив голову, в пурпуре и золоте, всегда, всегда, а где – не знаю.

\* \* \*

Закаты будут вопрошанья и ответы  
Заглядыванья в застеклённые окна смерти

На Успенской службе была во Владимирском соборе и, выйдя из него, наткнулась на странного человека, который загородил мне дорогу и сказал: "Не пушу!" Я увернулась и пошла на мост. Там над Невой закатывалось огромное огненно-оранжевое солнце, а над ним -- полукруг света. ("Радуйся, селение Бога и Слова"... ) На сердце была тяжесть, и я не хотела уходить, пока она не исчезнет. Мимо прошли какие-то люди, и до меня донеслось: "Она думает, что мы ее отпустим – ха-ха". Мне не понравилось это нагнетание. С одной стороны, чепуха, с другой стороны, лучше всё-таки в таких случаях поменять диспозицию. И я не досмотрела закат и пошла к метро, надеясь, что я по дороге dokonчу диалог с Успенским солнцем и тяжесть спадёт сама. Но в конце моста опять стоял тот самый человек. Я видела его сто раз на улицах – он очень заметен: длинные волосы, на животе (толстом) – всегда транзистор, этакий пожилой хиппи. Он вырос как-то неотвратимо и сразу заявил, что мне от него всё равно не убежать (я так и шарахнулась!), и пошел провожать меня к метро. Почему? Кто его знает. Я старалась вести себя осторожно, но он меня сразу растрогал, и отношения с закатом остались недовыясненными.

Звали человека Георгий, он работал в какой-то конторе, крестился, ходил по церквям, но, по-моему, в церковный мир вписан не был – так, хипповал понемножку. Самородок, осколок хаотических шестидесятых. Я уже давно замечала, что таких "осколков" видимо-невидимо, больших детей, потерявших всякую надежду на нормальную жизнь – но я-то чем могу помочь? В свободное время Георгий мастерил транзисторы (какое древнее пижонство), конечно, холостяк. Как-то отстранённо пожаловался, что в комнатухе у него творится неизвестно что, окна разбиты и заткнуты подушкой. Вопросов религии он не касался, много и скучно рассказывал о конторе, в которой работает (вся связь с жизнью!), ел таблетки от сердца. Сказал грустно, что большинство мужчин его поколения умрёт очень скоро – у всех сердце не в порядке. Не замолкая и не отставая, он ехал со мной до самой Академической, ни о чём не спрашивая и не ожидая моей реакции на его словоизвержение. Под конец только спросил моё имя. Я сказала на всякий случай неправильно. Больше я его никогда не видела. А перед тем как часто он мне встречался! Словом, я осталась в недоумении. А от Успенского заката удалось сохранить совсем немного: солнце любит являться не само, а – отразившись в стёклах или в воде: тогда лучи его возвращаются, обогатившись смыслом. Не знак ли это и людям быть такими стёклами? Но и в небе Успенское солнце было как золотое жерло, отверстие тоннеля. От него исходил не только физический свет, но и свет ангельский – излучение неких Высоких и полных любви Сущностей. Я записала чудовищную фразу – "бесконечное Божественное объективное богатство прекрасных поступков". (То, что было в Солнце). И ещё откуда-то, при чистом небе, прогремел гром. Как я хочу вернуться на тот мост и додумать те мысли! Но этого уже не произойдёт никогда.

\* \* \*

Закат после праздника Преображения в 85 году. Я видела этот закат из-за домов. В облаках – невероятное: оттенки бежевого, молочно-розового, тускло-опалового, и вдруг – рядом с лазурью – матово-голубого. Выше – светящиеся гребешки туч. Я дождалась трамвая: над Тучковым мостом – гигантская, под острым углом, рифленая светло-золоченая полоса, ниже луч облака, а под ним – как бы в подполе – уже иное: красно-серое свечение, уходящее и уводящее в глубину. По обе стороны – невероятные человеко- и херувимо-подобные фигуры, возносящиеся, воскуряющиеся, клубящиеся, а на другой стороне моста – могучая озарённая грудь гигантского облачного фронта. Всюду строятся арки... Юг, север – всё подождено, из-ала-синее, лилово-алое, и всё отражается в лужах, в Неве, стоит в конце проулков... Люди в трамвае даже слегка заволновались, чего обычно не бывает, небо принято не замечать. Но перспективу заслонили дома Петроградской стороны, пассажиры немного успокоились, – и, когда трамвай выехал на второй мост, Каменноостровский, уже настолько пришли в себя, что не обратили внимания на продолжающееся Действо, – или сделали вид, что не обратили. Но тут выехали на Карповку, к монастырю Иоанна Кронштадтского и -- общее «ах»: в глубине, за куполами монастыря, мгновенное диковинное видение – красная, рубиновая шаровая молния: провал в царский, неземной, кровавый, горный свето-цвет. Чистый. Это был глаз Солнца в тучах. А под ним – три молнии вниз (как падающие от страха ученики на иконах Преображения) – это было уже почти: «Кто увидит, не останется жив». Молнии – три разрыва в тучах, как бы нарисованные горящим кармином, три зигзага. Трамваестранники и я были удостоены видеть что-то за-естественное, хотя, с другой стороны, подумаешь, ничего особенного, скажет тот, кого не было в этом трамвае. Когда небо открылось в следующий раз, ничего уже не было – только последняя солнечная искорка из тучевой глыбы, но и эта картина была полна Присутствия.

\* \* \*

*«Что-то выше нас, что-то выше нас проплывает и гаснет...»*

\* \* \*

Следует ли полагать, что на закате Петербурга сочинители примутся писать Книги и Поэмы Закатов, а восходы окажутся в небрежении? Тогда сбудется то, о чем я говорю, и город будет затоплен закатом, – вместо того, чтобы в него впасть.

*февраль 2000*



«...уж полдень минул, не сутулься,  
не горбись, не твоя вина...

\*

- и страшным выпаденьем пульса  
повиснет в доме тишина.»

Были эти строки написаны в 1995 году. Через десять лет тишина повисла в доме их автора...

Нет, я не о том, что поэт – всегда пророк, что-то предчувствует, предвидит, предслышит... Здесь речь может идти скорее о знании и о мужестве.

Маша Каменкович приехала в Германию с тем самым диагнозом, от которого в силах спасти разве только Чудо... И на какое-то время Чудо спасло: чудо творчества, чудо материнства. Со стороны казалось, что ничего страшного уже произойти не должно: молодая, красивая, талантливая... То фотографию очаровательного младшего сына пришлёт, то новые стихи или статью...

А потом – вдруг – письмо от Валерия, мужа, помощника, соратника. И – тишина уже и в моём доме. И в тех домах, которые знали Машу Каменкович...

А вслед за тишиной – звон-перезвон... Как же, мол, так, заволновались коллеги, это же ужасно, и ужасно несправедливо...

Господа, давайте любить друг друга при жизни! Сильные люди не рассказывают каждому встречному о своих болезнях, не говорят о сокровенном, но сами о себе знают всё...

Некролог – это беспомощная компенсация за ту недостачу любви, которая, как правило, сопутствует поэту на протяжении его земной жизни.

(Иногда меня спрашивают: почему Вы всегда так хорошо отзываетесь в печати о коллегах? – вот именно потому, что мера моего отношения к ним – высшая, тот самый как бы некролог при жизни, в котором нет мелких упреков, нет ничего несущественного, а только лучшее и главное, только Итог... Просто после многих и многих потерь я всегда боюсь опоздать...)

Зато у поэта есть одна привелегия, отменить которую не властен никто. (Это что-то вроде – помните? – советской конфетки с задорным названием «А ну-ка отними!»...) Ещё одна жизнь, жизнь после смерти, жизнь Души в Бесконечности...

Мне кажется, это роднит поэзию с православием, догматы которого в Маше меня порой царапали. Спорить не могла – знала диагноз... Хочется верить, что Бог помогает всем истинно верующим, что переход в мир иной она ощущала именно как переход, а не как финал, потому и затихла – как уснула...

Произошло это 15 декабря, незадолго до католического Рождества, когда уже были приготовлены ханукальные свечи...

Бог един, а календари – «всё врут календари»...

Другая жизнь Марии Каменкович уже началась: нахлынули воспоминания...

...Однажды Маша прислала мне политическое стихотворение с просьбой помочь его где-то срочно опубликовать. Было это в дни бомбардировки Белграда. Мысль же стихотворения заключалась в том, что сейчас Христос – с обездоленными албанцами. Я придерживалась как раз противоположного мнения... Но дело даже не в этом. Позвонила: «Маша, понимаете, Вы же далеки от политики, у Вас нет этого нерва, и это же всё пропаганда, Вам потом не по себе будет...» Соглашаться она не любила. Смирилась. А я, помнится, добавила: «Но мне кажется, хорошо, что Вы в принципе такое готовы допустить...»

Мы обе воспели наш родной Петербург, но это были как бы два совершенно разных, редко пересекающихся даже в поэтическом

пространстве города. Книжка Марии Каменкович, которую она составила с основательностью и трепетом к 300-летию Петербурга, там не вышла. Это должна была быть её третья книга стихов. Я храню Машин подарок – дискету с ней. Маша, я постараюсь, книжка должна попасть к читателям, к Вашим читателям... Вы получите Знак от нас Там, а мы от Вас – тут...

А вообще последнее время стихи и эссе Марии Каменкович печатались широко, и уже не только – как когда-то – в «Родной речи» (первые публикации в Германии) или в других журналах и альманахах, выходящих здесь. Незадолго До... состоялась даже публикация в «Новом мире». Но – Новый Мир, без кавычек, уже стоял у порога...

«...У заповеданных дверей,  
Которым скажут отвориться  
По предъявленью декабрей,  
Перелицованных сторицей...»

У... Дверей.... Декабрей....

Вот так Маша сама обо всём заранее и сказала. Попытаться расшифровывать и, тем более, объяснять стихи было бы бессмысленно и бестактно. Они для тех, кто всё понимает с полуслова...

*О. Бешенковская*



Поэты ходят стайкой (потом это называется группа или даже поколение) до тех пор, пока их не начнут печатать (хоть где, хоть в самиздате). Стайкой – пока стихи существуют с голоса.

Именно в таком литературном возрасте – в конце 1970-х гг. – я познакомился с Машей Трофимчик. Через несколько лет наше личное общение почти прервалось. Но с тех пор, читая ее стихи, я все время отчетливо слышу произносящий их Машин голос.

Маша и была прежде всего – голосом, голосом нашего веселого круга. Голосом – не в смысле “рупором”, в смысле – “звук”.

Мы все были очень молодые люди, так что писание стихов было не только функцией призвания и таланта (у каждого – в свою меру), но и возраста. Возраст изменился, и воздух изменился, а стихи – остались: и те, давние, которые я сначала услышал, и только потом прочел, и написанные позднее, которые прочел, а услышал только внутренним слухом.

Я неправильный читатель Машиних стихов. Мне трудно представить себе, как читают ее стихи те, кто никогда не слышал, как их читает автор. Но ведь большинства поэтов, считая от Гомера, никто из нас не слышал – как-то справляемся. Теперь число неслышавших будет расти, а слышавших – убывать. Так для поэта Марии Каменкович (Трофимчик) постепенно наступит литература: голос плюс стихи окончательно будут вытеснены стихами минус голос.

Не буду доказывать, подкрепляя доказательства цитатами (стихи лучше цитировать целиком, а еще лучше читать их внутри

книги), но выскажу ощущение: место ее стихов в русской поэзии – очень значительное, а будет становиться – все больше. Сужу по тому сквозняку, который неумолимо задул в брешь, пробитую Машиной смертью. И заткнуть ее возможно (если возможно) только ее же стихами.

Когда-нибудь станет окончательно понятно, что Марии Каменкович выпала честь избыть одну старую семейную распрю в доме русской поэзии: распрю между символизмом (по Вячеславу Иванову) и футуризмом (по Велемиру Хлебникову). То есть не между Вячеславом и Велемиром – они и не ссорились – а между учениками, последователями, эпигонами. Начав как ученица Виктора Сосноры, законного наследника славянофильского, эпического футуризма, она продолжила в духе христианского символизма.

Мария Каменкович была талантлива, умна, красива; она – была, а стихи – есть.

*В. Дымшиц*



Ехали долго: виною моя служба. Из Дюссельдорфа в Штуттгарт, затем почти до Зальцбурга. Неторопливо обсуждали особенности и различия церковных построек в Баден-Вюртемберге и в Баварии. К вечеру наконец вкатились в Мюнхен. Странная, *особая* атмосфера Толстовской библиотеки, хозяйка, Татьяна Константиновна Ершова, с громоздкой зеркальной фотокамерой, без конца полки с книгами вдоль стен. А потом зрительный зал, круглый стол, стаканы с минералкой и – стихи. «Город-текст», сборник, подготовленный к 300-летию Петербурга. Я тоже вставал и говорил что-то отчасти подходящее случаю, что-то о решетке Летнего сада, проросшей под кожу, не без пафоса. И, снова усевшись в кресло, продолжал посматривать на Машу. В платье под горло, до пят, с прохладной рукой и внимательным взглядом без улыбки. «Наша, ленинградская...» - подумал я себе положительно, когда нас познакомили перед началом вечера. И теперь вот сидел и дожидался Машиных стихов.

И Маша встала. Первые зубчики строф внятно очертили фон: Охта, Токсово, огоньки... А потом строка вырвалась на волю – и пошла плясать ...плетью, вожжей... над головами и вмиг сробевшими глазами слушателей. А Маша читала и плакала. Слезы ползли по щекам, а рифмы бились и сталкивались под скромными сводами скромного мюнхенского дома. Не все, вероятно, заметили: возникла другая реальность. Правильная реальность, где живут один раз, где ничего нельзя исправить и переделать. Где каждое слово весит...

Замолчала. Поаплодировали. И уже утерты слезы, и снова взгляд внимателен и открыт. «Обязательно пошлите мне ваши рассказы, Александр. Вот мой e-mail...» Не послал, чем-то отговорился. Потому что никакой реальности, кроме *правильной*, - нет. Маша – учитель, Маша – nicht gewordenener... doch gewordenener друг. Маша – поэт...

*А.Барсуков*



**СОДЕРЖАНИЕ**

*Д. Фаншель*. Книга стихов о Петербурге Марии Каменкович 3

**ПЕТЕРБУРГСКИЕ СТИХИ**

Вся сгорбленная, старая, седая... 7

Видно, многие умерли за меня... 8

**ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ И МАЛЕНЬКАЯ ПОЭМА  
ИЗ КНИГИ «РИТОРИКА»**

Под трезвон часов ледовых... 9

...но я могивом небрегу... 10

... но как отмерить в языке благом... 11

...вечносушие фонтаны. Сады классицизма... -

Я – пленник града-ломаки... 12

Душа бездействия не стерпит... 13

ОДА XVIII (маленькая поэма) 14

О Питер в портах, перерытый до труб... 19

Сад в Александро-невской петербургской лавре 21

**ПЯТЬ ХРАМОВ** 25

Еженощно... 28

**КОРИДОР** 31

Сугубо городское, петербургско-... 45

Отсеявшись по накалам... 47

О нищета вещей и городов тщета!.. -

**ИЗ КНИГИ «ЗАМОК»**

Мир с Моген-Шломом над каждой башней!.. 49

**ЛЕСА НА ХРАМЕ ВОСКРЕСЕНИЯ** 51

Кто ночью не просыпался... 53

Рассветный, мерзлый, алый час...	54
ВСАДНИК У МИХАЙЛОВСКОГО ЗАМКА	55
Всю зиму дул морской ветер...	56
Театр этих зданий - как колода...	58

**ИЗ КНИГИ «МУЗА ПЛАЧА»**

Ржевка, Гражданка и Пискарёвка...	60
Век ли мне вопрошать, не выслушивая ответа ...	61
Я знаю - через несколько столетий...	62
К серебристой Фландрии, затканной...	63

**ИЗ ДРУГИХ КНИГ**

Душе подростка...	65
Апостольский, архангельский, небесный...	-
В сторону Токсово	67
ДОМ ТИШИНЫ	71

**ИЗДАЛЕКА**

На легкой туче пролетая...	73
Далёкий лай на улице Мюльвег..	74
ПИСЬМО ИЗ ГЕРМАНИИ	76

**КНИГА ПЕТЕРБУРГСКИХ ЗАКАТОВ (фрагменты)** 77

Памяти М.Каменкович.	94
<i>О.Бешенковская, В.Дымшиц, А.Барсуков</i>	

**ISBN 3-936800-54-5**